

ΑΕΕΑΤ Γ ΑΧΑΕΥΙ Τ Ε ΟΒΤ ΕΟΟ ΑΙ ΟΤ Γ ΕΑΑ ΝΕΕΝΕΕΕ Γ Τ Γ ΑΝΘΟΥΒΥ

ПРОТОИЕРЕИ
АРКАДИИ КИРИЛЛОВ

СВЯТЫЕ
И ПОДВИЖНИКИ
БЛАГОЧЕСТИЯ
СИЙСКОЙ ОБИТЕЛИ

СБОРНИК СТАТЕЙ

Церковно-археологический кабинет
2010

Í î áèàáî ñèî ááí èþ Ááî Í ðáî ñáÿÿáí ñòáá
áí èñèî í à Áððáí ááèÿñèî áî è Õî èì î áî ðñèî áî Õèóî í à

Редактор — архимандрит Трифон (Плотников),
Редколлегия: А.Н. Даниленко, Я.Э. Харитоновна,
иеродиакон Феофил (Волик), В.В. Аверина.
Прориси — И.И. Лапин

Отпечатано в ОАО «Северодвинская типография»,
г. Северодвинск, ул. Южная, 5.
Тираж 1000 экз. Заказ № 7538

© Свято-Троицкий Антониево-Сийский монастырь. 2010

СОДЕРЖАНИЕ

1. Преподобный Антоний, Сийский Чудотворец. К 350-летию со дня блаженной кончины Преподобного (1556-1906).....	7
2. Преподобный Феодосий, игумен Антониево-Сийского монастыря.....	38
3. Преподобные пустынножители Исаия и Никанор Ручьевские.....	52
4. Инок Паисий, патриарший казначей и ктитор обители.....	57
Примечания.....	63
Приложения.....	75

Предисловие

Автором данного сборника является известный в XIX веке архангельский историк и агиограф протоиерей Аркадий Кириллов. К сожалению, о нем сохранились весьма скудные сведения. Известно, что в 1886 году он окончил Санкт-Петербургскую духовную академию, где ему присвоили звание кандидата богословия, а затем направили преподавателем в Архангельское женское духовное училище. 17 сентября 1888 года отец Аркадий рукоположен в сан священника и назначен настоятелем училищной церкви. Свое пастырское служение он успешно сочетал с преподавательской деятельностью. Позже его назначили еще и инспектором классов.

Наряду с этим прот. Аркадий был избран членом Архангельского епархиального церковно-археологического комитета, занимался изучением древних рукописей и документов. Особое внимание он уделял святым и подвижникам благочестия Антониево-Сийского монастыря. На основе тщательного изучения сийских рукописей и документов XVI-XVIII веков он написал ряд уникальных статей о них.

Так, в 1906 году, когда Русская Православная Церковь торжественно отмечала 350-летие со дня блаженной кончины преподобного Антония Сийского, отцу Аркадию было оказано высокое доверие со стороны епархиального руководства написать статью о жизни и подвигах угодника Божия, которая затем частями была опубликована в журнале «Архангельские Епархиальные ведомости».

Статья представляет собой серьезное научное исследование, которое свидетельствует о высоком профессиональном уровне ее автора. Начинается она с подробного описания главных первоисточников, на основе которых составлялись все позднейшие редакции жития прп. Антония. При описании жизни и подвигов Святого прот. Аркадий использовал ряд документов, которые никогда ранее не публиковались. Очень подробно описано в статье, как происходила канонизация прп. Антония, какую роль в ней сыграл его ученик митрополит Новгородский Александр. В целом статья содержит немало новых интересных сведений и фактов из жизни Преподобного.

Столь же уникальными являются и статьи прот. Аркадия, посвященные подвижникам благочестия, особо почитаемым в Сийской обители: прп. Феодосию, игумену Сийскому, прпп. Исаия и Никанору Ручьевским, а также иноку Паисию, казначею Сийскому, ставшему затем по промыслу Божию патриаршим казначеем и главным ктиторм родного монастыря. Анализ этих статей показывает, что и здесь отец Аркадий опирался прежде всего на первоисточники: древние сийские рукописи и документы. Некоторые из них он пересказывает близко к тексту. В наше время этот факт уже сам по себе представляет особую ценность, если учесть, что многие из этих рукописей и документов ныне либо совсем утрачены, либо находятся в спецхранилищах и доступны лишь узкому кругу специалистов.

По полноте и достоверности сведений о таких святых и подвижниках благочестия, как преподобные пустынножители Исаия и Никанор Ручьевские, патриарший казначей Паисий — это лучшие статьи, когда-либо написанные о них.

Еще одним важным достоинством работ прот. Аркадия является то, что они написаны с большой теплотой и любовью к сийским подвижникам благочестия, что говорит о его большом таланте агиографа и церковного писателя.

Все эти материалы были опубликованы в брошюре «Подвижники благочестия, почивающие в усыпальнице Антониево-Сийского монастыря», которая пользовалась большой популярностью до революции среди паломников и специалистов, и неоднократно переиздавалась. Ныне эта брошюра является библиографической редкостью, что и побудило переиздать напечатанные в ней статьи и тем самым сделать их доступными для широкой аудитории.

В предлагаемом сборнике объединены все статьи прот. Аркадия Кириллова, посвященные сийским святым и подвижникам благочестия. Брошюра предназначена в первую очередь для паломников.

Конечно, прошло больше века с момента публикации этих статей. За это время многое изменилось. Ныне прп. Феодосий Сийский, прпп. Никанор и Исаия Ручьевские входят в Собор Всех святых, в земле Российской просиявших, они почитаются в Соборе Сийских святых.

В настоящее время решается вопрос о том, чтобы и прп. Паисий был прославлен в Соборе Сийских святых. Всем этим угодникам Божиим написаны образы, составлена новая редакция их жизнеописания, готовятся к печати целый ряд брошюр и статей о их жизни и служении. При этом особое место уделено прп. Феодосию как великому подвижнику Русского Севера. По благословению епископа Архангельского и Холмогорского Тихона еще в 1999 г. на монастырском подворье в с. Емецке обустроен храм во имя прп. Феодосия, с 2006 г. в нем проводятся в честь Святого Феодосиевские образовательные чтения. В настоящее время сотрудники монастырского церковно-археологического кабинета (МЦАК) составляют научную библиографию, собирают документы и материалы по игумену Феодосию.

Несмотря на существенные изменения в статусе этих угодников Божиих, статьи прот. Аркадия не теряют своей актуальности. Более того, интерес к такого рода материалам только возрастает в условиях современных мощных информационных потоков, где много научной, профессионально составленной информации, но мало места для души и сердца. Надеемся, что предлагаемая вам брошюра вызовет живой отклик в вашем сердце, согреет душу любовью к Сийским святым, побудит вас к молитвенному общению с ними как скорым помощникам и молитвенникам о душах наших.

Преподобные отцы Сийские, молитесь Бога о нас!

*А.Н. Даниленко,
зеститель руководителя МЦАК.*

ПРЕПОДОБНЫЙ АНТОНИЙ, СИЙСКИЙ ЧУДОТВОРЕЦ

**К 350-летию со дня блаженной кончины Преподобного
(1556-1906) ⁽¹⁾**

7-го декабря текущего года исполняется 350 лет со дня блаженной кончины основателя и первого игумена Сийской обители преподобного Антония Чудотворца († 1556, 7 декабря).

В этот знаменательный для Сийской обители день вместе с ней и вся Архангелогородская епархия молитвенно почитает одного из лучших своих сынов, стяжавшего себе славу великого подвижника, который, положив начало и донныне цветущей обители в малонаселенных местах нашей северной окраины, много способствовал тем религиозно-нравственному просвещению окрестного населения и колонизации в широких размерах по пустынным местам постепенно заселявшего края.

В миру тезоименитый первозванному апостолу и в монашестве тезоименитый великому основателю жизни монашеской преподобный Антоний Сийский еще при жизни был прославлен от Господа даром прозрения и чудес, пользовался широкой известностью не только в Двинской области, но и далеко за пределами ее; известен был и стольному граду Москве — знатым боярам и самому Грозному царю, добродетельную супругу которого Анастасию особенно чтит Преподобный. Вскоре по кончине прославленный и причисленный к лику святых, он стал молитвенником и ходатаем за всех приходящих с верой и любовью к цельбоносному гробу его.

Еще при жизни собрав около себя немалое стадо монахов и озаботившись как о материальном обеспечении основанной обители, так и о духовном ее процветании, преподобный Антоний дал при кончине своей братии духовное завещание, исполненное мудрых наставлений, руководящих братство на трудном пути монашества, заповедав свято и нерушимо хранить установленные им в обители порядки.

Желая посильно воспроизвести в памяти потомства черты величественного образа Преподобного, изобразить многотрудные монашеские его подвиги и описать труды его по созиданию обители, на основании сохранившихся до нашего времени древних памятников, считаем нужным предпослать повествование о жизни и деятельности преподобного Антония некоторые сведения о тех первоисточниках, из которых главным образом заимствуются данные для жизнеописания Преподобного.

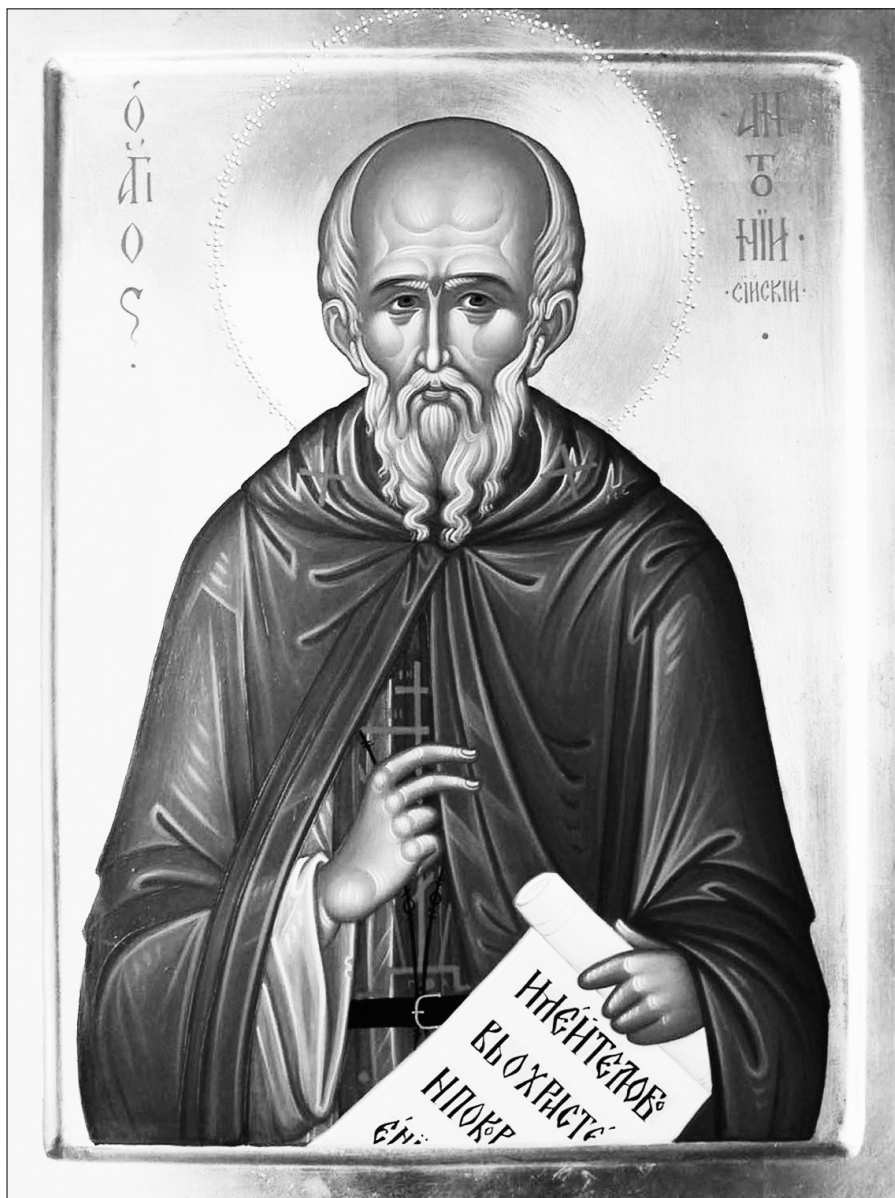
I.

Житие преподобного Антония Сийского известно в нашей духовной литературе в двух редакциях, явившихся во второй половине XVI века.

Первая редакция жития принадлежит священноиноку Сийского монастыря Ионе⁽²⁾. Судя по тому, как он говорит в конце предисловия о себе, что и «рукоположение на многогрешной убозей главе своей он имеет от честных наставник» святой обители Преподобного, можно думать, что священство он принял от одного из учеников Преподобного, Новгородского архиепископа Александра: следовательно, незадолго до составления жития, так как ученик Преподобного Александр стал архиепископом с 1577 года.

Этот священноинок Иона, составитель жития Преподобного, именуется в древних рукописных документах монастыря «Ионою малым», вероятно, в отличие от старца Ионы, бывшего в числе учеников Преподобного, пришедших в обитель из Шелексы. Впоследствии священноинок Иона был игуменом Глушицкого монастыря Вологодской епархии и известен как писатель житий преподобных Сергия Обнорского, написанного в 1584 году, и Варлаама Важеского (в 1589 году)⁽³⁾.

Об обстоятельствах написания жития преподобного Антония Иона сообщает некоторые сведения в своих предисловии и послесловии к житию.

ПРЕПОДОБНЫЙ АНТОНИЙ СИЙСКИЙ

В предисловии к житию священноинок Иона пишет, что он предлагает повесть святого жития сего (Преподобного) «не от видения приемлюща, но от слышания токмо», так как со дня кончины Преподобного прошло 20 лет и более, — он пишет то, что слышал от духовных старцев, достоверных свидетелей «в общежительном пребывании» и в обеих пустынях его, видевших пречудное житие Антония, — что слышал от других лиц, поведавших ему о знамениях на месте том (где обитель) до прихода Преподобного, о чудесах, совершившихся при жизни Преподобного и по смерти его, о некоторых — от самих исцеленных.

Впоследствии, указывая побуждение к написанию жития, Иона говорит, что прошло уже много лет по преставлении Преподобного, а однако святое житие его никем не было записано и «памятухов чудному житию его мало обретахуся, мнози бо ученицы досто-блаженнаго, ...от жития сего к вечным обителям о Господе представляхуся» и он, «убогий» священноинок Иона, последний во святом братстве, что слышал от оставшихся учеников блаженнаго, достоверных свидетелей, из многого малое предал писанию, побуждаемый к этому игуменом обители Питиримом и другими иноками из оставшихся в живых учеников Преподобного, по благословию Варлаама, епископа Вологодского и Великопермского, в лето 7086 (1578), в обители преподобного Антония⁽⁴⁾.

Похвальное слово преподобному Антонию Иона написал, по его словам, тоже по повелению ученика Преподобного, архиепископа Новгородского и Псковского Александра († 1591 г.) и «понужден быв» от настоятеля обители игумена Питирима и других из учеников Преподобного⁽⁵⁾.

Другим писателем жития преподобного Антония был царевич Иоанн, сын Иоанна Грозного от первого брака последнего с Анастасией Романовной, и убитый отцом в ноябре 1581 года. В послесловии к составленному им житию царевич пишет, что бывшие в Москве Сийский игумен Питирим и ученик преподобного Антония Филофей, а также и другой ученик преподобного Новгородский архиепископ

Александр просили его написать канон Преподобному. Написавши службу Преподобному, он написал потом и житие и похвальное Преподобному слово.

Царевич сообщает, со слов старца Филофея, что преп. Антоний приходил в Москву к родителям его и любил их духовно, особенно его мать Анастасию. Последнее обстоятельство было особенной побудительной причиной к написанию жития и службы Преподобному, сведения о котором царевич старался собрать как от учеников Преподобного, так и от своих родителей. Собрав верные сведения о внешнем виде Преподобного, он велел написать и точный образ его⁽⁶⁾.

Но составленное царевичем житие Преподобного, в смысле источника сведений о жизни Преподобного, не имеет самостоятельного значения и носит компилятивный характер: редакция этого жития мало отличается от редакции жития, составленного священноиноком Ионой. Написав другое предисловие и сократив первую и вторую главы (о рождении, пострижении и первых подвигах преп. Антония) жития Ионина, в дальнейшем повествовании до конца жития царевич буквально повторяет житие редакции Ионы, оставляя в целости даже послесловие последнего, которое вовсе не к лицу царственному писателю⁽⁷⁾.

Таким образом, отзыв царевича о житии, составленном Ионой, которое привезли к нему в Москву игумен Питирим и Филофей, что «оно зело убо суще в легкости написано», слишком строгий отзыв и, по замечанию В.О. Ключевского, «отзыв несправедливый: сам он не прибавил ни одной новой черты к рассказу Ионы, далеко не воспроизвел его, обильного любопытными подробностями, содержания и превзошел его разве риторикой, не везде удачной»⁽⁸⁾.

Говоря о двух впервые появившихся в XVI в. редакциях жития преп. Антония, упомянем еще о первом, не дошедшем до нас, опыте жития Преподобного, появившемся тоже в Сийской обители.

В одном из посмертных чудотворений преп. Антония рассказывается о явлении его одному из иноков Сийской обители. Составитель

жития говорит, что со времени кончины прошло уже много лет и в обители Преподобного оставалось мало иноков, достоверных свидетелей, помнивших житие блаженного. Один из иноков обители, слыша от немногих оставшихся в живых учеников Преподобного и от других свидетелей его чудес о предивном житии Антония и скорбя о том, что оно остается незаписанным на последующие времена, призвав молитвенно на помощь Преподобного, начал составлять повествование о жизни его. Это доброе намерение инока однако было встречено недовольством и ропотом братии обители. Некоторые из них говорили: «прежде сего никтоже дерзнув писати, а сей убо пишет и жития святых составляет». Ропот братии оставил работу малодушного инока.

И вот однажды он вразумлен и наставлен был особенным видением Преподобного во сне. В келии, где составлялось житие Преподобного, он увидел житие преподобных, как бы написанным на иконах, в лице многих прославленных преподобных, среди которых выше всех находился преп. Антоний Великий. Около последнего он увидел другого незнакомого инока, который, указывая перстом на преп. Антония Великого, сказал: «зачем усумнился, монах, и зачем малодушествуешь? Тот, о ком начал писать ты повесть, этому великому был подобен, ему он тезоименит и житию его он был подражателем. Отложи всякое сомнение и начни дело без смущения». Пришедши в себя и изумляясь видению, иннок стал продолжать свое повествование о Святом, которое раньше начал⁽⁹⁾.

Этот рассказ о явлении Преподобного находится в житии, писанном царевичем Иоанном, и впоследствии включен в редакцию некоторых списков жития, составленного Ионой. С полным вероятием можно догадываться, что этим иноком был никто иной, как старец Филофей, который и сообщил об этом чудном видении царевичу и поэтому, конечно, царевич называет Филофея первым писателем жития преподобного Антония. Однако составленного Филофеем жития не дошло до нашего времени; может быть, это были те записки, которыми пользовался царевич, копируя житие,

составленное священноиноком Ионой, и, восполнив это житие описанием двух чудес Преподобного, которых нет в редакции жития Ионы⁽¹⁰⁾.

Другим источником сведений о жизни преподобного Антония, если и не восполняющим, то повторяющим в некоторой степени житие, является служба Преподобному, также известная с XVI в. в двух редакциях.

Помещаемая в декабрьской Минее под 7 числом служба преподобному Антонию Сийскому была составлена священником Ионой и в рукописном виде находится во многих экземплярах сийских рукописей. Хотя она не имеет надписания, тогда как составленная царевичем Иоанном служба включает указание на автора, но в других памятниках (напр[имер] в синодиках, в кормов[ых] книгах) священноинок Иона называется «творцем жития и службы Чудотворцу». Это же подтверждается и сходством похвального слова Ионина со службой как в содержании, так и в выражениях.

Общая мысль почти всех песнопений службы, восхваляющих добродетели Преподобного в разнообразных выражениях, которые мы легко найдем в первой открытой в минее службе и другому Преподобному, выражена в следующих словах седальна по полиелее: «в пустыню, преблаженне, вселился еси, и в ней проходя жестокое жительство, якоже безплотен жизнь исправляя, плоть твою умертвил еси, и поревновав Антония великаго изрядному жительству, Троицы служитель показался еси преизящный». Биографических черт Преподобного в песнопениях службы встречается немного⁽¹¹⁾.

Останавливает на себе внимание язык этой службы, с ее тяжеловесными риторическими приемами изложения, до сих пор в самых последних изданиях остающийся неисправленным, хотя еще в XVII в., в уставе Московского Успенского собора (около 1634 г.) об этой службе читаем: «декабря в 7 день Антонию Сийскому трезвон средний, благовест в лебедь, а слог худ, ему пети лучше по общей минеи»⁽¹²⁾. Действительно, мы не удивились бы изложению этой службы, если бы знали, что эта служба представляет неудачный

перевод с греческой минеи, как это мы видим во многих службах наших богослужебных книг, переведенных нам с греческих миней. Но ведь это служба подвижнику Русской Церкви и составленная в России, однако составленная в рабском подражании греческим песнопениям в нашем славянском неудачном их переводе⁽¹³⁾.

Составленная царевичем Иоанном другая редакция службы преподобному Антонию находила себе употребление в обители Сийской в прежние века на ряду со службой, составленной Ионой, в некоторые особенные дни года. Об этом свидетельствуют несколько списков, оставшихся в библиотеке обители, иногда в одной книге со службой редакции Ионы, написанных, очевидно, для употребления при богослужении. О последнем находится и прямое указание в одном рукописном уставе, пополненном особенностями устава Сийской обители, где читаем под 7 декабря, между прочим, следующее указание: «на соборе (т.е. в теплой церкви, где идет соборное служение с настоятелем) поют по печатной минее службу творение священноинока Ионы малова, а у чудотворца (т.е. в холодной) поют службу творение царевича Ивана Ивановича»⁽¹⁴⁾. Богослужение было совершаемо и канон из этой службы царевича был выпеваем также, наряду с другими канонами, во дни крестных ходов из обители к озеру Угловатому, как это видно из других рукописных документов, где излагается порядок крестного хода⁽¹⁵⁾.

Из других источников, некоторым образом восполняющих вышеуказанное житие преподобного Антония и восходящих к его времени, нужно упомянуть еще о рукописных документах из архива Сийского монастыря, только в последние годы разобранных и описанных особой комиссией при Архангельском епархиальном церковно-археологическом комитете, каковые документы уцелели до последнего времени от расхищения различных ученых, посещавших обитель в разное время. В числе документов, современных Преподобному основателю монастыря, сохранилось до 17 купчих, совершенных им на разные земельные участки и другие угодья; 26 «данниц» на таковые же пожертвования в обитель «на помин душ

усопших», три списка грамот царя Иоанна Грозного (одна из них подлинник) и списки с духовного завещания и описи имущества монастыря, сделанных преподобным Антонием незадолго до своей кончины.

Все эти документы, имея специальный, деловой характер (кроме завещания), к сожалению, не дают каких-нибудь новых данных для жизнеописания преподобного Антония, кроме того, что по ним можно судить только до некоторой степени о постепенном возрастании обители. Правда, некоторые из них привносят несколько точных хронологических дат в житии Преподобного, которых вообще почти нет в редакциях древних житий. Так, нап[ример], один документ впервые дает нам точное указание на время уединенных подвигов Преподобного около озер Дудницы и Падун: сохранился список с отписи, данной препод[обным] Антонием в приеме монастырского имущества от бывшего игуменом Феогноста, по возвращении Преподобного в обитель и при вторичном вступлении его в игумены обители 2 января 1550 года⁽¹⁶⁾.

II.

Сведения о жизни преподобного Антония до принятия им монашества и жизнь в монашестве до основания им Сийской обители

Родиной преподобного Антония было селение Двинской области Кехта (по финскому произношению Киехта)⁽¹⁷⁾, в 35 верстах от г. Архангельска. Отец его Никифор был родом из Новгорода и, по сказанию одного списка жития, пришел в пределы Двинской области незадолго до падения Новгорода при Московском князе Иоанне III. Мать Преподобного, называемая в одном списке жития Агафией⁽¹⁸⁾, была родом из Кехты. По занятиям земледельцы Никифор и Агафия были люди благочестивые, и Господь благословил их супружество «видением сынов и дочерей».

Первенец их Андрей, будущий подвижник, родившийся около 1477 года, перед всеми детьми отличался как телесными силами

и красотой, так и высокими душевными качествами. Семилетним отроком он отдан был в научение грамоте и в училище преуспевал более своих сверстников; в детстве же он научен был и «изуграфству», т.е. иконописанию.

При упадке просвещения в те отдаленные века даже в Центральной России, не говоря уже про нашу отдаленную окраину, невольно возникает вопрос: каким образом Преподобный мог получить не только начальное образование, но и познание по иконописи в такой глухой местности, как Кехта? Ответ на этот вопрос, по нашему мнению, нужно искать более своих в том обстоятельстве, что в Кехте еще с глубокой древности Соловецкий монастырь имел свои угодья — мельницу и земельные владения⁽¹⁹⁾ и, конечно, по монастырским делам здесь должны были жить монастырские приказчики. Принимая во внимание ту уже давно доказанную истину, что пустынножители и иноки обителей Севера в XIII-XVI вв. были почти единственными насадителями веры и носителями просвещения, естественно, мы можем предположить, что и начальную грамотность и познания в иконописании в детстве своем Преподобный мог получить от иноков, даже более того — общение с жившими в Кехте иноками и в последующие годы жизни его могло благотворно отзываться на его религиозно-нравственной настроенности и стремлении служить Богу, отрешившись от мира.

Как бы то ни было, однако тихий, кроткий и благонравный юноша Андрей не имел склонности к занятиям своих родителей и с детства имел особенную любовь к храму Божию и чтению божественных книг. До старости родителей он служил им утешением, будучи покорным во всем их воле.

25 лет от роду Андрей лишился своих родителей. Может быть, родственные связи влекли его в Новгород и по кончине родителей он поселился на жительство у одного новгородского боярина. Снискав расположение своего господина, он женился на дочери его. Но Господь не судил ему быть связанным надолго житейскими узами: через год он лишился супруги. Это обстоятельство, без сомнения,

имело решающее значение в его жизни. Более и более укрепляясь в христианской добродетельной жизни, усердно посещая храм Божий и творя дела милосердия, он решился расстаться с миром навсегда и уединиться в монастырь. Кончина боярина, совместная жизнь с которым еще удерживала Андрея в мире, окончательно решила его дальнейшую судьбу.

После пятилетнего пребывания в Новгороде, возвратившись на родину, подобно Антонию Великому, основателю монашества, Андрей раздал свое имение и, ничего не взяв с собой, отправился в пределы Каргопольские, на р[еку] Кену⁽²⁰⁾, в обитель преп[одобного] Пахомия, незадолго до того времени основанную.

Вблизи монастыря св[ятого] Пахомия, на расстоянии около 400 саж[еней]⁽²¹⁾, будущий инок остановился на ночлег и удостоен был знаменательного видения, которое указало ему предлежавший жизненный путь. В тонком сне он видит перед собой светлепного мужа, в белых одеждах, с крестом в руках, который говорит ему: «возьми крест свой, гряди во след мене, иди и подвизайся. Не убойся козней диавольских, будеши бо муж желаний духовных, пустынное воспитание и множеству инок наставник явишися». Благословляя крестом Андрея, он сказал: «сим побеждай лукавых духов». Восставши от сна, в радости, со слезами умиления в оставшуюся часть ночи он приносил Богу благодарственные молитвы.

На другой день, входя в монастырь, он возрадовался, увидев стоящие храмы и около них устроенные келии. Сотворивши молитву пред воротами обители, приходит Андрей к игумену обители препод[обному] Пахомию. Каково же было его изумление, какова радость, когда он в лице настоятеля, самого Пахомия, узнал явившегося ему лучезарного мужа!⁽²²⁾ Со слезами припадая к стопам игумена Пахомия, умолял его Андрей сподобить ангельского образа, обещаясь понести все труды и послушания, какие ему угодно будет возложить. «Зело бо хощу, — говорил Андрей, — постричься от много времени, но нужда мя некая обдержаше, ныне, же свободи мя Господь от всех сих»⁽²³⁾.

Преподобный Пахомий, по духовному прозрению, видя в Андрее Божия избранника, постригает его с именем Антония, в 1508 году, когда Антонию было 30 лет от роду. Сам игумен руководил новоназначенного инока в жизни монашеской, не поручая его другому наставнику. Видя перед собой пример добродетельного мужа, возревновал преп[одобный] Антоний подвижнической жизни его и, «с отнятием влас главы своей», отложил все привязанности и пристрастия грешного мира, начав борьбу с духами злобы. Понял он теперь смысл бывшего на пути в обитель видения и, ободряя себя на подвиги, говорил себе: «отныне мир тебе распялся, грешный Антоние, благодатию Христовою, подобает и тебе распяться для мира»⁽²⁴⁾.

Умерщвляя свою плоть продолжительными молитвенными бдениями, только на самое непродолжительное время он предавался сну; наблюдал строгое воздержание в пище и питии, вкушая чрез день и не до сытости. К богослужению являясь ранее других и выходя из храма последним, несмотря на тяжелый труд в монастырской поварне, он неутомимо совершал и свое келейное правило, так что по три раза в течение недели вычитывал псалмы Давида⁽²⁵⁾. Служа ближним по заповеди Господа, Преподобный имел особый обычай, по примеру древних подвижников, посещать больных и ухаживать за ними: он мыл их одежды и сам, согревая воду, обмывал тела немощных.

По прошествии годичного послушания в трудах на монастырской поварне, он удостоен был сана священства. Вероятно, это произошло в 1509 году, и если по обычаю того времени он должен был за рукоположением идти в Новгород, то мог получить таковое от святителя Серапиона, еще бывшего архиепископом Новгородским в первой половине 1509 года. С принятием священства еще более возвышался и укреплялся Преподобный в своем духовном подвиге, так что снискал к себе искреннюю любовь и уважение за свое высокое смирение как со стороны братии, так и самого преподобного Пахомия. Однако не ища славы от людей и тяготясь

заслуженным почтением, Преп[одобный] решил оставить Кенскую обитель ради уединенных подвигов в тишине и безмолвии пустыни. Свое намерение он открыл преп[одобному] Пахомию. Последний благословил доброе намерение Антония и, преподавши ему многие наставления о пустынножительстве, отпустил его из обители. Между прочим, прощаясь с Антонием, преп[одобный] Пахомий прозирая духом богатство Сийской обители, просил его не оставлять церковными потребками его пустыни. Поэтому, говорят, Пахوميةва пустынь, до самого ее уничтожения в 1764 году, ладан, масло и стечи⁽²⁶⁾ получала из Сийского монастыря⁽²⁷⁾.

Пять лет проведши в послушании у преп[одобного] Пахомия, в 1513 году преп[одобный] Антоний оставил его обитель. Помня слова Господа: «идеже бо еста два или трие собрани во имя Мое, ту есмь посреде их» (Мф. XVIII, 20), преп[одобный] Антоний, уходя из монастыря в уединение, взял с собою двух единомысленных и подобных себе по жизни братьев Александра и Иоакима. Непроходимые и необитаемые леса и болота Севера влекли к себе пустынников.

Из Кенской обители преподобный Антоний отправился прямо на север и, углубляясь вниз по течению реки Онеги и по притоку ее, Шелексе, достиг реки Емцы, впадающей в С[еверную] Двину, и остановился у «Темного порога», за три версты от селения Шелексы. Место это найдено было удобным для обители, и иноки, водрузивши здесь крест, стали устраиваться: срубили небольшую хижину и часовню, а потом выстроили и церковь в честь свят[ителя] Николая Чудотворца. Так, по словам жизнеописателя, Преподобный «монастырь устрои, иже и до ныне стоит молитвами святого»⁽²⁸⁾. Вскоре число братства увеличилось еще четырьмя учениками, пришедшими к Антонию, так что «преподобный седмый обреташеся в братстве»⁽²⁹⁾.

Однако не здесь Господь судил прославиться своему угоднику и непродолжительно было его жительство около Шелексы. Еще не успели иноки испросить себе формальное право на владение

занятым местом у Московского правительства, чтобы устроить здесь монастырь, как стали испытывать притеснения от окрестных поселян. Жители деревни Скроботово, боясь того, что иноки скоро завладеют ими и «селитвами» их, прогнали из своих пределов преп[одобного] Антония и его учеников, после семилетнего их здесь пребывания.

«Отрясши прах от ног своих» и вооружив свою братию терпением, как некогда патриарх Авраам, снова пошел преподобный Антоний в 1520 году «на северныя страны», вниз по реке Емце, проходя леса и дебри, мхи и болота и многие озера, ища себе места для уединенного жительства. После долгих поисков себе места путники остановились у озера Угловатого, на расстоянии 8 верст от места нынешней обители, и Преподобный водрузил здесь крест⁽³⁰⁾. Денно и ночью молившимся здесь инокам Господь Сам указал место для будущей обители.

Один из жителей тех мест, из Емецкого стана, селения Бро-сачево, Самуил, отправившийся в то время для ловли рыбы на летние дальние озера и увидев молившихся иноков и среди них преп[одобного] Антония с воздетыми руками, как некоего ходатая, с трепетом подошел к ним. По просьбе Преподобного указать им место для водворения Самуил охотно указал им остров⁽³¹⁾ на озере Михайлове, в которое течет река Сия, протекающая перед тем через многие озера. При этом он поведал Преподобному о многих знаменьях, бывших на том месте задолго до прихода их, по которым окрестные жители судили, что здесь должен возникнуть монастырь (многократно видали тут иноков, секущих леса, слышали пение их и звон колоколов). Местность эта носила дикий, пустынный характер: вокруг непроходимые леса и глубокие озера; никто из людей раньше здесь не жил, и водились только дикие звери — медведи, волки, олени, лисицы и зайцы. Однако это уединенное место весьма понравилось Преподобному и, осмотревши его и сотворив молитву благодарения Богу, он сказал: «се покой мой, в век века zde вселюся».

И в настоящее время обилие лесов и множество озер, этих красот природы, восхищают всякого паломника, побывавшего в Сийской обители. А что было 400 лет тому назад, когда природа этого места была в нетронутой рукой человека девственном ее состоянии! Недаром св[ятые] пустынножители выбирали такие места. Пустыня с ее природой, находившейся в непроходимых дебрях Севера, полная и страшных сил, и явлений природы, и нередко дивных красот, под влиянием глубоко-религиозного настроения души, привлекала и воображение и чувство, восторгала созерцателей ее, любителей ее — отшельников. Все эти пустытники были проникнуты живым, теплым сочувствием к природе, к ее красотам, силам и явлениям. Все они любили углубляться в леса и тундры, чтобы там в тишине, в невозмутимом самоуглублении созерцать совершенства и творения Божии. Коль скоро они находили прекрасное местоположение, они видели в нем образ рая, дом Божий и с восторгом восклицали псаломскую песнь: «коль возлюбленна селения Твоя, Господи сил! желает и скончается душа моя во дворы Господни... Се покой мой, zde вселюся». Преп[одобный] Антоний не был в этом случае исключением, и он избрал для своей обители такое место, которое со всех сторон окружено было лесами, реками и озерами, как стеной, как это делали и другие подвижники⁽³²⁾.

Основание Сийской обители: внешнее и внутреннее ее благоустройство трудами Преподобного

Освятив место будущих своих подвигов молитвой о том, чтобы Господь сохранил рабов своих на этом святом месте от неприятных сетей лукавства диавола и сотворил с ними милость во все дни жизни их, преп[одобный] Антоний с братией на острове Михайловского озера водрузили крест, а затем приступили к необходимым постройкам для жительства. Для обитания своего поставили хижину, а для молитвенных собраний устроили часовню. Сам же Преподобный для своей уединенной молитвы устроил малую келию, чтобы отдаваться молитве тогда, когда в общей хижине

братия отдыхала от трудов. Затем иноки начали вырубать леса и расчищать места под пашню, копать землю и засеивать ее хлебными злаками, чтобы от своих трудов добывать себе пропитание. Потом, для удобства в размещении братства, устроено было еще несколько келий, хотя братство в возникавшей обители в течение трех лет пребывания на этом месте со времени поселения оставалось без приращения в количестве семи членов, с преп[одобным] Антонием во главе⁽³³⁾.

Земля скудно вознаграждала труды своих насельников и в первые годы обитания братия терпела крайнюю нужду в самом необходимом для питания, так что с вечера нередко не знала, чем будет питаться на другой день; нередко не имели хлеба, не говоря уже про масло, соль и другие яства. Эти недостатки иногда вызывали в братии ропот и намерение разойтись в другие места, но Преподобный всегда поддерживал в них своими увещаниями надежду на помощь Божию. И по вере своей видел Преподобный небесную помощь.

Однажды в таком недостатке пропитания небесная помощь явилась в лице одного благотворителя-незнакомца, который принес Преподобному в достаточном количестве печеных хлебов, муки и масла и дал «милостыню довольну» на строение монастыря. Уходя из обители в Новгород и обещаясь возвратиться, он, однако, не был более в обители. Сам Преподобный и братия его не без основания видели в этом особенное «бывшее посещение Божие»⁽³⁴⁾.

С помощью Божией перенесла обитель в это время испытание и в другом роде. Сборщик дани в пользу Новгородского архиепископа Василий Бебря, предполагая, что у преподобного Антония имеются достаточные средства на устройство обители, вознамерился ограбить его и с этой целью подослал к монастырю разбойников. Господь и на этот раз чудесно спас обитель от врага, по молитвам Преподобного. Окружившие монастырь разбойники были утрашены видением множества вооруженных людей, ограждавших обитель. Ужас разбойников и боязнь того, что эти люди обойдут

их и захватят в плен, заставила их бежать и рассказать Бебрю о происшедшем. Последний через посланного им к Преподобному сийского священника узнал, что никаких вооруженных людей нет в монастыре и, увидев в этом защиту небесную, исполнившись страха, пошел сам и обо всем рассказал Преподобному, покаявшись в своем злом умысле.

По мере того, как увеличивалась известность Преподобного, стали приходить к нему из окрестных селений многие мирские люди: одни с подаванием на обитель и с просьбой помолиться о них, другие — за благословением и ради душевного наставления и иные — ради сожителства с Преподобным в монашеском звании. С радостью принимал Преподобный таких, постригал и наставлял их в монашеской жизни.

Когда число братства стало возрастать и далеко превысило ту священную шестерицу, с которою Преподобный водворился на месте, время было подумать об основании обители, с разрешения великокняжеского, которое давало бы право вновь возникающей обители благоустроиться на счет окрестных лесов, пахотных и сенокосных земель, приобретать их как покупкой, так и в дар от благотворителей, чтобы пользоваться теми и другими на известных льготных для монастыря условиях. Тогда по совету братства преп[одобный] Антоний отправил в Москву двух старцев, своих учеников — Александра и Исаию ко князю Василию III с ходатайством о построении монастыря, о собрании братии и о расчистке и обработке земель.

Подобное ходатайство было обычным явлением в то время, и Московское правительство охотно поощряло колонизационную деятельность монастырей, так что милостиво принятые в Москве старцы получили «все потребное на построение монастыря» и возвратились к Преподобному с наказом от князя, «да молит он Бога и Пречистую Богородицу и великих чудотворцев о многолетнем здравии князя и о плоде чрева и о державе царства его». Можно без основания предполагать, что эта поездка совершилась не ранее

1526 года, в котором великий князь Василий III, после развода с Соломонией, 28 января вторично женился на Елене Глинской. С этим предположением совпадает и показание самого Преподобного, который впоследствии в челобитье [царю Иоанну] Грозному в 1543 году говорил, что «монастырь тот он поставил в пустыне тому осмнадцать лет»⁽³⁵⁾, разумеется, указывая приблизительную цифру годов существования монастыря, после официального разрешения на его устройство со стороны Московского правительства.

Великокняжеская милостыня во вновь устрояемый монастырь и сборы в пользу его с московских бояр дали Преподобному возможность приступить к устройству большого храма, в виду увеличивавшегося братства монастыря. Начались подготовительные работы по вырубке леса, расчистке места для нового храма и на братском совете решено было постановить храм в честь Живоначальной Троицы.

В трудах по написанию храмовой иконы Живоначальной Троицы принял участие сам Преподобный⁽³⁶⁾, помогая приглашенному иконописцу, хотя писатель жития откровенно замечает по этому поводу, что «препросто иконописание его бысть» и «в недостатку хитрости своя» постом и молитвой способствуя ему⁽³⁷⁾. По написании иконы, отслужив молебен Пресв[ятой] Троице, со многими слезами и коленопреклонениями, Преподобный молил Бога о том, чтобы он милостивно призрел на святое сие место и посетил рабов Своих, живущих в нем. Молитва Преподобного была услышана, и Господь ниспослал написанной им иконе дар чудотворений.

Неизвестно из жития, как долго стоял первый построенный Преподобным храм, но, кажется, он сгорел вскоре после постройки. Жития говорят, что пожар начался в храме от забытой пономарем горящей свечки в отсутствие игумена и братии, бывших вне монастыря на полевых работах, когда в обители оставались только слуги на поварне да больные и старые иноки. Пламя быстро охватило все здание и не было возможности вынести что-нибудь из горевшего храма, когда к месту пожара пришел Преподобный. Господь послал

ему новое нелегкое испытание, и Преподобный не мог победить в себе человеческой немощи — скорбей и огорчения, когда увидел в пламени плоды трудов своих: особенно жаль ему было написанной им храмовой иконы.

Но и в бедствии этом Господь явил Преподобному Свою богатую милость. В то время как бушевала огненная стихия и храм объят был пламенем с основания, св[ятая] икона Живоначальной Троицы «сама выйде из пламене сего великаго никимже носима бысть и среде монастыря обретесея»⁽³⁸⁾. Страх и ужас объял Преподобного при виде этого чуда; падши к иконе, в радости, со слезами он воссылал благодарения Богу.

Хотя пожар ограничился одной церковью, не коснувшись других монастырских построек, однако братия, принимая это событие за дурное предзнаменование, хотела разойтись из обители, как из такого места, где постигают их одни бедствия, не давая им жить, так как Бог отступил от этого места. Очевидно, что новое бедствие, вместе с вышеописанными испытаниями, постигло их еще в первые, недолгие годы обитания на избранном месте. Однако увещания Преподобного и указание на благоволение Божие к месту сему в чудесном спасении из огня иконы вразумили малодушествовавших иноков, и они оставили свое намерение.

Еще с большею ревностию после постигшего обитель пожара приступил преп[одобный] Антоний к новым постройкам, так как располагал к этому уже своими средствами от монастырских угодий. Скоро устроилась и была освящена новая и более обширная церковь в честь Живоначальной Троицы, в которой чудесно прославленная, спасенная из огня икона Преподобного заняла место храмовой иконы. Построены были затем трапеза и с восточной стороны в связи с ней храм в честь Пресв[ятой] Богородицы, честного и славного Ее Благовещения⁽³⁹⁾, святые врата и над ними церковь в честь преп[одобного] Сергия Радонежского. Таким образом, своими постройками монастырь занял весь полуостров на Михайловском озере: в середине его стояли св[ятые] храмы Божии⁽⁴⁰⁾, а по сторо-

нам расположились четвероугольником братские келии, стоявшие и над водами озера. Окружность площади, занятой монастырем, простиралась до 253 сажень⁽⁴¹⁾, а весь монастырь в поперечнике от озера до озера был до 27 саж[ень]. Крестьянских построек не было в окрестностях монастыря на расстоянии ближе 5 верст.

Вместе с устройством монастыря начинаются и заботы преподобного Антония о материальном обеспечении собиравшегося в нем братства. Первые купчие Преподобного на окрестные земельные владения относятся к 1527 году: 1) на Симановскую деревню (Понинарьинскую полдеревню) и 2) на половину Шараповской деревни, что купил Троицкий игумен Антоний у Фомы Павлова Горяина — первую за 30 руб, а вторую за 70 руб. Очевидно, после поездки в Москву старцев Исаии и Александра монастырь, получивший великокняжескую милостыню и от московских бояр вклады, располагал нужными немалыми средствами для покупки пахотных и сенокосных земель. Наряду с приобретениями монастыря на собственные средства оброчных владений, в монастырь начинают поступать и вклады благодетелей. Первый дар в обитель — «вклад» — 1/2 деревни Понинарьинской сделан был, по сохранившимся «данницам», в дом Живоначальной Троицы Юрием Мартемьяновым в 1529 году.

С этих годов постепенно увеличиваются владения монастыря — то куплей⁽⁴²⁾, то пожертвованиями благодетелей⁽⁴³⁾ до 1543 года, когда жалованной грамотой царя Иоанна Грозного, по челобитью игумена Антония, отведены были во владение Сийской обители окрестные земли вокруг обители на 3 версты — по направлению к Ваймуге, Сии и Емце, а к Каргополю — на 5 верст⁽⁴⁴⁾. Еще ранее этого, около 1540 г., дана была монастырю «хлебная» грамота тем же царем, которой велено было выдавать на 40 человек братии по 160 четвертей ржи и овса из царских житниц Двинской области⁽⁴⁵⁾.

В грамоте [царя Иоанна] Грозного от 28 янв[аря] 1543 года мы читаем: «били ми челом с Двины от Живоначальныя Троицы с Сии с Михайлова озера игумен Антоний с братиею, а сказывает, что он

тот монастырь поставил на пустыне тому осмнадцать лет, а ныне де в том монастыре 50 братьев, oprичь детей монастырских, а живет де общим житьем, а земли и иных некоторых угодий у них к тому монастырю нет, а около того монастыря сказывают пришли леса непашенные и озера и болота не письменные и нетяглые, а приходят де на те пестыя места люди многие из иных волостей свои старыя угодыя пометав да те де угодыя круг монастыря, ходят, рыб ловят и ловушки ставят и всякия угодыя хотят безоброчно и монастырю де чинят великую обиду и пожары де от них бывають не по один год и сожгли де у них в монастыре четыре церкви и старцев и детей их монастырских и бьют и крадут и прожити де им от них немочно и которые леса и всякия угодыя пришли около их монастыря поблизку и нам бы их пожаловати велети им придати к монастырю лесу и всяких угодий и рыбных ловель чтоб им как мочно кормитись».

Из этого челобитья Преподобного видно, с одной стороны, скудное материальное обеспечение обители в первые два десятилетия существования ее, и с другой стороны — испытанные его стеснения от окрестных жителей. На основании свидетельства царевича Иоанна о приходе Преподобного в Москву и на основании некоторых выражений этой грамоты царской можно не без основания предполагать, что преподобный Антоний в 1543 году путешествовал в Москву и ходатайствовал там о нуждах своей обители.

В 1545 году царем Иоанном Грозным дарована была монастырю новая грамота несудимая, в которой сказано было, что «слуг и крестьян монастырских двинские наместники не судят ни в чем ни в душегубстве, ни в разбое, ни в татьбе с поличным, ни кормов своих на них не емлют и не въезжают к ним нипочто; судить слуг и крестьян монастырских и получать с них оброк велено было игумену Антонию, или кто по нем будет игуменом»⁽⁴⁶⁾.

В последующие годы существования обители при жизни Преподобного, когда молва о чудесах, совершившихся от чудотворной иконы Живоначальной Троицы и по молитвам самого Преподобного, распространилась в Двинской области, мы видим по сохра-

нившимся документам большее чем прежде количество «данниц», т.е. вкладов в обитель со стороны благотворителей⁽⁴⁷⁾.

Таким образом, постепенно монастырь обогащался пахотными и сенокосными угодьями, рыбными ловлями и соляными варницами в разных местах Двинской области, к пожертвованным участкам прикупал свои, или наоборот, и, прочно утвердившись на известных местах, для удобства владения, при постоянном надзоре своих служителей, заводил свои дворы, свои хозяйства, рабочий и рогатый скот и др[угие] возможные промыслы, поручая таковые хозяйства выборным старцам от монастыря, в виде послушания. В конце жизни Преподобного видим таковые самостоятельно существовавшие хозяйства от монастыря в его оброчных владениях — в селах Шараповском, Осередке, Заборском, в Моржегорах, Неноксе, Уне и в Золотице, где жили монастырские приказчики⁽⁴⁸⁾.

Обеспечив существование обители в материальном отношении, преподобный Антоний прилагал особенные заботы о благоустройстве ее в духовном отношении, чтобы вести братство по пути нравственного усовершенствования к тому «ангельскому образу», каким должен быть инок, посвящающий свою жизнь на исключительное служение Богу, в отрешении от всех соблазнов грешного мира.

По примеру древних великих подвижников преподобный Антоний сам был первым примером и великим образцом в жизни монашеской для подражания братии. По просьбе братии ставши игуменом, Преподобный не изменил прежнего образа жизни монаха-трудника, который не считал унижительными по своему положению самые низшие монастырские послушания. Отличаясь необычайной физической силой⁽⁴⁹⁾ на монастырских работах, Преподобный наряду с прочей братией вспахивал землю и рубил лес. Пищу и питье принимал вместе с братией и в самом умеренном количестве, чтобы не показаться братии постящимся. Глубокое смирение обнаруживалось и в одежде его — обветшавшей и «скропанной», так что по внешнему виду его можно было принять за одного из низших убогих иноков, но никто не принял бы за начальника

и основателя обители. День проводя по преимуществу в трудах физических, ночь проводил он в молитве келейной до утреннего звона, без сна, и малый отдых он знал только днем, после трапезы. Первым являясь в храм, он выходил из него последним. Все время Богослужения проводя в стоянии, без жезла, не озираясь по сторонам и имея согбенные руки, а очи долу и сердце обращенным к Богу, с сокрушенным сердцем он внимал молитвам церковным.

Следя за порядком, установившимся в обители, Преподобный имел постоянный надзор за всеми не только в стенах монастыря, но и вне его. Часто посещал он пекарню, поварню и другие службы, обходил работы вне монастыря, везде внушая труд со страхом Божиим и благодарением. С особенной любовью навещал он немощных собратий в монастырской больнице, внушал служителям с любовью обходиться с больными, сам беседовал с ними, располагая их к искреннему покаянию.

Нищие также были всегда предметом особенной заботливости Преподобного: он, как другим внушал, кормить нищую братию и давать им щедрую милостыню, «да не оскудеет место святое» ею, так и сам, нередко тайно от братии благотворил им, чтобы не возбудить ропота братии за свою расточительность на дела благотворения.

Являя в своем лице пример, достойный для подражания братии, преподобный Антоний весьма усердно руководил ей и через свои устные наставления и правила. Он внушал братии — иметь страх Божий, как первую основу всех добродетелей христианских, заповедовал наблюдать в храме строгое благочиние, без нужды крайней не переходить с места на место, выстаивать службы от начала до конца, с молчанием благоговейно, внимая чтению и пению церковному. Кроме молитвы церковной, он внушал свято хранить отеческие наставления и о келейном правиле, исполнять его по силам каждого из братий и по заповедям своих духовных отцов, чтобы никто из братства, кроме больных и немощных, не был праздным. Во взаимных отношениях он заповедовал им иметь

христианскую любовь и единомыслие друг с другом, украшаться смирением и кротостью, избегать гнева, ссоры и вражды, удаляться неправды и хранить душевную и телесную чистоту.

Сам Преподобный, отличаясь любовью к духовному просвещению, старался расположить к тому же и свою братию. С этой целью он собрал в обители богатую по тому времени книгами библиотеку, в которой сосредоточены были главнейшие творения св[ятых] отцов и подвижников из аскетической древней литературы⁽⁵⁰⁾.

Жизнь обители, как сообщал сам Преподобный в челобитье царю Иоанну Грозному, устроилась на началах общежития. Во главе управления стоял игумен — сам Преподобный, которому принадлежал высший надзор за всем монастырем; помощь игумену в заведывании церковным и монастырским хозяйством оказывал духовный собор из шести старцев, а исполнительная власть принадлежала строителю. Непокоряющиеся монастырской власти изгонялись из обители, «да прочии страх имут». Для соборного решения дел братия собиралась в трапезе.

По уставу общежития все братство имело общий стол и однообразную одежду; исключения в этом случае не сделано было даже для строителя. Строго запрещено было держать в монастыре «хмельное питье» и принимать его от мирян. Во избежание различных соблазнов для братии не дозволялось мирянам жить в келиях с монашествующими, а женщинам запрещено было и ночевать в монастыре; монастырским крестьянам и служкам не дозволено было селиться вблизи монастыря, даже скотный двор велено было поставить «за озером».

Уединенные подвиги Преподобного, последние годы его управления обителью и блаженная его кончина

Господь прославил Своего угодника еще при жизни даром чудес. По его молитвам от написанной им иконы Пресв[ятой] Троицы совершилось несколько чудес. Так, например, в 1543 году слуга Двинского наместника Василия Воронцова⁽⁵¹⁾, по имени Самуил,

получил исцеление от падучей болезни и беснования, причем дал обет постричься и выполнил его уже по кончине Преподобного⁽⁵²⁾. Ранее этого получил исцеление по молитвам Преподобного от иконы Пресв[ятой] Троицы другой слуга воеводы Двинского кн[язя] Дмитрия Жижемского, по имени Иаков, от «взметнаго недуга» и после — сестра ракульского священника Феодосия исцелилась от слепоты. Вообще, по замечанию жизнеописателя, «многих и иных ко святому привождаху бесных и недужных, святыи же молитвами своими здравие подаваше»⁽⁵³⁾.

О духовном прозрении Преподобного жизнеописатель передает один случай, рассказанный ему иноком обители Филофеем.

Этот ученик преподобного Антония, принявший пострижение в молодых годах, во время пребывания Преподобного в пустыне подвергся помыслам уныния и решился уйти из обители в мир, там расстричься и жениться. Обуреваемый помыслами, он пошел к Преподобному. Великий подвижник, увидевши опечаленного инока, тотчас сам открыл ему смущающий его помысел и, дав отеческое наставление, удержал его при себе в пустыне в течение седмицы. Отпуская его назад в обитель, Преподобный успокоил его, предсказав, что помысел его более к нему не возвратится. Этот случай так повлиял на юного Филофея, что он до кончины своей пробыл в обители Преподобного.

Слух о высокой подвижнической жизни преп[одобного] Антония распространялся не только в Двинской области, но проник и за пределы ее. Однако эта известность и слава от людей тяготила Преподобного; избегая их, он решился на склоне дней своей жизни, подобно Антонию Великому, предаться уединенным подвигам вдали от людей.

Избрав себе преемником в звании игумена добродетельного инока Феогноста и совет из шести старцев для управления обителью, в начале 1548 года Преподобный удалился из монастыря с одним иноком вверх по р[еке] Сии к озеру Дудницы и поселился там на острове, в 3 верстах расстояния от монастыря. Здесь поставил

Преподобный небольшую келию и часовню в честь святителя Николая Чудотворца. В тишине и уединении он весь отдался подвигам молитвы, поста и тяжелых физических трудов. Семидесятилетний старец сам рубил лес, копал землю и сеял хлеб, питаясь от своих трудов. Часто он молот хлеб на жерновах и занятый этим в летние ночи обнажал тело свое комарам и мошкам и как «столб непоколебимый» оставался неподвижным, несмотря на испытываемые боли. Нередко размышляя о смертном часе, он горько плакал и в таком состоянии вкушал пищу.

От озера Дудницы Преподобный перешел потом в другое уединенное место, к озеру Падун, на расстоянии 8 верст от обители, и там устроил себе келию. Место это ограждено было горами, на которых рос лес, а келия стояла в ложбине, у подножия гор, окруженная 12 березами. Жизнеописатель говорит, что «место это плачевно вельми» и «само зрение места того в чувство привести может зрящих его»⁽⁵⁴⁾. Устроив плот, на нем Преподобный, выезжая на озеро, удил рыбу и, обнажая себя до пояса, отдавал тело свое на ужаление комарам и оводам.

Быть может, до конца дней своих намерен был преподобный Антоний оставаться в уединении, но Господь снова поставил его пастырем и наставником собранного им стада. Игумен Феогност, пробыв два года в должности, оставил ее, и братия обители снова со слезами умоляла Преподобного, «да паки будет им пастырь и наставник». По преклонности лет и частым болезням он отказывался принять на себя бремя управления обителью, но слезные просьбы братии склонили Преподобного, и он опять в начале 1550 года пришел в монастырь и вторично, уже в преклонной старости, принял звание игумена.

По своим телесным болезням он уже не мог принимать участия в трудах братии, но до конца дней своих он тщательно следил за соблюдением Богослужебного порядка в обители и сам молитвой и постом служа Богу, подавал пример братии. От строгого поста и воздержания ослабели его телесные силы, плоть его приросла

к костям и незаметно было под кожей присутствия мускулов: уже живо он казался мертвецом. От частых молитвенных стояний и коленопреклонений ноги его оцепенели и отекали, так что не мог двигаться без посторонней помощи и его под руки водили в церковь. От прежних чрезмерных физических трудов в старости он стал сутул и «скорбен». Однако, несмотря на телесные немощи, одолевавшие Преподобного, он не оставлял своего молитвенного правила, сидя выполняя его, и, по мере изнеможения телесного, возрастала в нем сила духовная.

Со скорбью братия видела приближение кончины Преподобного. Пришедши к нему, они слезно просили преподать им последнее наставление и письменно изложить «отеческое предание о общежительном пребывании», как им жить по кончине его и избрать им строителя. По усиленным просьбам братии Преподобный избрал и благословил им в строители добродетельного инока Кирилла, преподав ему отеческие наставления заботиться о св[ятых] храмах, о церковном пении, о трапезе и вообще о благочинии в обители, а в игуменах быть благословил своего ученика священноинока Геласия⁽⁵⁵⁾. Преподанные наставления братии он заключил в свою духовную грамоту, скрепив ее своей подписью за полгода до своей кончины (в июне 1556 года). В августе месяце 1556 года он передал имущество обители по составленной описи избранному им строителю старцу Кириллу⁽⁵⁶⁾.

Трогательными чертами описывает составитель жития кончину Преподобного. Когда он почувствовал приближение смертного часа, вся братия собралась к смертному одру его. Еще раз Преподобный наставлял их и укреплял в надежде на помощь Божию и просил о себе молитв, «да невредимо преидет душа его мытарства воздушных бесов, да не забвены будут труды его пред Богом и терпение его на этом святом месте». Он утешал скорбевшую братию тем, что, отходя от них телесно, он будет неотступно духом с ними. Когда братия спрашивала, где похоронить честные его мощи, Преподобный отвечал: «связавши за ноги тащите его в дебрь во мху и в болоте затопчите грешное мое тело на растерзание зверям

и гадам, или повесьте на суку на съедение птицам, или бросьте в озеро». Братия отказалась сделать это, обещав похоронить его в созданной трудами Преподобного обители.

Накануне своей кончины, в наступивший воскресный день, Преподобный в последний раз приобрелся Христовых Таин. В наступившую ночь братия неотлучно находилась около Преподобного. Под утро понедельника, 7 декабря 1556 года, Преподобный велел братии идти к заутреннему пению, давши им свое последнее целование, причем еще раз братия и Преподобный взаимно просили друг у друга прощения. При умирающем остались только два его ученика Андроник и Пахомий. При наступлении смертного часа Преподобный велел им воскурить фимиам и удалиться от него. Воздвигши руки свои к небу и сотворив со слезами молитву к Богу, преподобный Антоний перекрестил лицо свое и потом, приложив крестообразно к груди свои руки, предал Богу чистую и трудолюбивую свою душу.

Велика была скорбь братии по кончине Преподобного, лишившейся в нем своего отца, пастыря и учителя; одно утешение они находили в том его обещании, что и по смерти он духом будет неотступно с ними и что он, великий подвижник, имеет «дерзновение к Богу» предстательствовать за них. В этом последнем убеждали их и телесные останки Преподобного; почивший казался не умершим, но как бы спящим; тление не коснулось тела его; неземное выражение лица его служило как бы подобием будущего блаженного состояния праведников. Возложивши честное тело Преподобного на одр, на главах своих, со свечами и кадилами, иноки внесли в храм и с подобающей честью, по совершении последнего «исходного пения», погребли его с правой стороны церкви Живоначальной Троицы, вблизи алтаря церковного.

Так в глубокой старости, 79 лет от роду, преподобный Антоний закончил земное свое служение, исполненное великих трудов, основав и благоустроив обитель, в которой собрал около себя к концу жизни немалое стадо, числом до 70 братий.

О канонизации преподобного Антония

«История канонизации значительной части подвижников, — говорит Е.Е. Голубинский в своем исследовании «История канонизации святых в Русской Церкви», — начиналась со дня их кончины: подвижник при своей жизни приобретал великую славу между людьми, и вследствие сего тотчас же после его смерти начиналось почитание его памяти. Оно состояло, с одной стороны, в том, что при их гробах возносимы были молитвы о них, а с другой стороны в том, что над их гробами устроились некоторые так сказать монументы в честь их: если подвижник был погребен вне церкви, то над могилой ставилась небольшая часовня, а в часовне на могиле гробница, имевшая вид раки с мощами, последняя покрывалась покровом и перед нею ставилась свеча»⁽⁵⁷⁾. Совершенно то же самое начало в прославлении и во всем дальнейшем ходе событий, завершавшем канонизацию подвижника, мы видим и в канонизации преп. Антония.

Жизнеописатель Преподобного говорит, что после погребения Преподобного братия поставила гробницу над гробом преподобного отца и «божественными иконами и свечами благочестно украсила ю, на поклонение с верою приходящим и любезне припадающим к честному его гробу»⁽⁵⁸⁾. Ежедневно, после вечернего Богослужения, братия обители собирались ко гробу Преподобного, с любовью лобызали честную раку его и в молитвах своих обращаясь к нему, просили его заступления и ходатайства перед Богом. Такое почитание Преподобного, начавшееся по кончине его, вполне понятно, так как Господь прославил его даром прозрения и даром чудес еще при жизни.

Между тем чудеса при гробе Преподобного продолжали совершаться, как это видно из описания целого ряда чудес в житии, составленном священноиноком Ионой, и все эти чудеса совершились, несомненно, в период времени до игумена Питирима, т.е. на протяжении 20 лет со дня кончины Преподобного (1556-1577)⁽⁵⁹⁾. Эти чудотворения при гробе Преподобного давали прямой повод

обители, в своих донесениях подлежащей церковной власти о чудесах, присоединить ходатайство о причислении Преподобного к лику святых, но, очевидно, нестроения в жизни обители после кончины Преподобного до вступления в должность игумена Питирима помешали этому делу.

Чтобы поднять значение падавшей обители в нравственном и материальном отношении, вновь избранный ревностный игумен Питирим, из строителей Комельской обители, на первых же порах своего служения взялся за дело канонизации препод[обного] Антония. Несомненно, он снесся по этому делу прежде всего с подлежащей властью, т.е. с епархиальным архиереем, каковым в то время был Варлаам, епископ Вологодский и Великопермский⁽⁶⁰⁾, и испросивший его дозволение приступил к составлению жития и службы Преподобному. Служба нужна была для того, чтобы по ней могло быть совершаемо празднование святому, а житие нужно было как оправдательный документ относительно того, что канонизованный святой был истинный святой. Последние познаются от жизни, по их делам: следовательно, для такого-то их познания и уверения в них и необходимы их жития⁽⁶¹⁾. При решении вопроса о том, кому поручить это дело, выбор игумена и братии пал на священноинока Иону⁽⁶²⁾. В 1579 году житие Преподобного было приготовлено и переписано для представления в Москву⁽⁶³⁾, так как обычно настоятели монастырей обращались со своими просьбами о причтении подвижников к лику святых непосредственно к представителю высшей церковной власти — митрополиту.

И вот в 1579 году игумен Питирим со старцем Варсонофием священником и старцем Филофеем отправились в Москву⁽⁶⁴⁾ с ходатайством о канонизации преподобного Антония перед митрополитом Антонием и царем Иоанном Грозным. Понятно, что это ходатайство могло быть удовлетворено тем скорее, что сам [Иоанн] Грозный, по свидетельству царевича Иоанна, лично знал великого подвижника. Митрополитом Антонием с собором епископов установлено было празднование преподобному Антонию

7 декабря, в день его преставления⁽⁶⁵⁾. Без сомнения, ходатайство монастырских властей в Москве о канонизации Преподобного как перед митрополитом, так и перед царевичем Иоанном имело себе сильную поддержку в лице ученика преподобного Александра, архиепископа Новгородского. Вероятно, и игумен Пителир в таком важном деле просил себе содействия с его стороны⁽⁶⁶⁾.

Таким образом, канонизация преподобного Антония совершилась вскоре, 23 года спустя, после блаженной его кончины.

А. Кирилловъ

**ПОДВИЖНИКИ БЛАГОЧЕСТІЯ,
почивающіе въ усыпальницѣ
АНТОНІЕВО-СІЙСКАГО
МОНАСТЫРЯ**

Изданіе 2-е

АРХАНГЕЛЬСКЪ
Типо-литографія С. М. Павлова
1902

ПРЕПОДОБНЫЙ ФЕОДОСИЙ, ИГУМЕН АНТОНИЕВО-СИЙСКОГО МОНАСТЫРЯ

Преподобный отец Феодосий, бывший двукратно игуменом Сийского монастыря (с 1643 по 1652 год и с 1663 по 1688 год), стяжал себе славу замечательного настоятеля, который неустанно заботясь о благоустройстве обители как внешнем, так и внутреннем, в себе самом являл пример истинно-подвижнической жизни для братии.

По происхождению своему он был сын ремесленника-среброковача Игнатия Лебедева, из г. Холмогор, и в мире именовался Феодором.

Двенадцатилетним отроком он отдан был в научение грамоте и с этого времени избегал детских игр, любил ходить в храм Божий и дома с усердием предавался чтению книг.

Этот образ жизни и склонности отрока не по сердцу были отцу его, желавшему в сыне видеть себе помощника и продолжателя дела, нередко отрок подвергался от отца побоям, но он не приобрел себе нужных познаний в отцовском ремесле.

Склонность к уединению и молитве, частые побои от отца побуждали наконец Феодора тайно бежать из родительского дома в Антониево-Сийский монастырь, отстоящий в 85-ти верст[ах] от его родины.

Достигши обители, 18-летний юноша поражен был видением «снеговидных храмов Божиих»⁽¹⁾ и недоумевал, откуда на монастырских храмах подобие снега. Со слезами припадая к ногам игумена Ионы (1591-1634), просил Феодор принять его в обитель.

Распросив юношу и узнав о его непреклонном намерении и любви к монашеству, игумен согласился взять его в обитель и велел готовиться к пострижению, хотя пришедший и не мог дать за себя положенного вклада на нужды монастыря.

Непродолжительно было испытание юноши в твердости при-

ПРЕПОДОБНЫЙ ФЕОДОСИЙ СИЙСКИЙ

нятого им намерения: 2 августа 1632 года он пострижен был в монашество, на 18-м году от рождения, с именем Феодосий*.

Преуспевая в монашеской жизни под руководством добродетельного старца Давида, инок Феодосий с полным смирением и готовностью усердно проходил монастырские послушания в хлебопекарне и поварне, не оставляя в то же время церковного пения и правила келейного, чем скоро снискал себе от всей братии любовь и уважение. Видя добродетельную жизнь инока, игумен Иона ходатайствовал о рукоположении Феодосия во диакона и, несмотря на молодые годы и непродолжительное пребывание в монастыре, в 1635 году преосвященным Авфонием, митрополитом Новгородским, он был рукоположен во диакона. Только восемь лет прошло с этого времени, как после смерти игумена Игнатия (в 1643 г.), после усердных просьб братии, молодой тридцатилетний иеродиакон избран был в строители, и в 1644 году вышеупомянутым митрополитом Авфонием был возведен в звание игумена обители преподобного Антония. Такое быстрое возвышение по степеням иерархии и в монастырских должностях виднее всяких фактов говорит о достоинствах избранного игумена.

В новом сане своем преподобный Феодосий не изменил прежнего образа жизни: еще с большей ревностью всецело отдав себя монастырским трудам, он служил образцом благочестия для братии — первый приходил в храм и последний выходил из него, в остальное время часто обходил по работам монастырским и увещевал каждого с усердием исполнять возложенное на него

* На полях рукописи помечено, что прп. Феодосий родился в 1612 году. В самой рукописи сказано, что он пришел в монастырь в возрасте 18 лет, а был пострижен в монашество в 1632 году, то есть в 20, а не в 18 лет. Вызывают сомнение и слова прот. Аракадия о том, что срок его испытания был «непродолжительным». В «Истории о блаженном Феодосии» говорится, что «игумен Иона благоразумно медлил с постригом, испытывая, не раскается ли юноша в своем намерении при виде тяжелого монастырского труда. Когда же убедился, что желание отрока неизменно, повелел постричь его» (Ред.).

дело. Глубокое смирение игумена сказывалось в его ветхих худых одеждах и в низких поклонах всем встречным.

Слух о высокой жизни Сийского игумена скоро дошел до Москвы и до Государя Алексея Михайловича, который, почитая преподобного Феодосия, давал многие льготы и щедрые жертвы обители; примеру Государя следовали многие именитые люди Московского государства, снабжая обитель своими денежными и вещественными вкладами. Почтение Новгородских святителей к игумену Феодосию выразилось в том, что в Двинской области в городах Холмогорах, Ваге, Мезени и Кевроле и в пределах их, ему было предоставлено первенство в церковных делах и сбор святительской дани в течение многих лет; а в 1675 году митрополит Корнилий особой грамотой позволил ему служить даже архимандритом, т.е. в митре и с другими знаками отличия, принадлежащими этому сану.

На восьмой год игуменства преп[одобного] Феодосия ниспослано было ему промыслом [Божии]м тяжелое испытание. Среди многочисленного братства монастыря и монастырских служебников нашлось несколько недовольных лиц, которым добродетельное житие игумена служило обличением и укоризной их зазорной жизни и удобным случаем они воспользовались, чтобы удалить из монастыря нелюбимого ими игумена Феодосия. В 1652 г. через Сийский монастырь проезжал в Соловецкий монастырь за мощами святителя Филиппа Новгородский митрополит Никон. Игумена Феодосия в это время не было в обители, так как по делам ее он уехал в Москву. Недовольные из братии воспользовались этим случаем и подали митрополиту исполненную клеветы жалобу на игумена. Неизвестно — поверил ли Никон этой жалобе; вероятнее, что зная добродетельную жизнь отца Феодосия, он решил только на время удалить его из монастыря и, «желая да мятеж утолится», поставил игуменом иеромонаха Корнилия, а игумену Феодосию повелел удалиться в уединенную Кожеозерскую обитель, где сам некогда был настоятелем.

Известие об этом испытании дошло до Феодосия в бытность его в Москве. Возблагодарил Преподобный Господа, устрояющего спасение людей многообразными путями, и поспешно возвратился в свою обитель, чтобы не медля идти в Кожеозерский монастырь. Со слезами и скорбью провожали своего бывшего настоятеля многие из братии Сийского монастыря, но преп. Феодосий утешал их, в духовном прозрении указывая им, что разлучение их будет непродолжительно.

С честью, не как изгнанник и подначальный, принят был Феодосий настоятелем Кожеозерского монастыря Сергием и братией его, так как им были известны невинность изгнанного и ложное его оклеветание. По просьбе игумена Сергия, в одной келии с ним поместился Феодосий и пребывал здесь все время пятилетнего заточения* (2). Проводя строгую подвижническую жизнь в обители Кожеозерской, Феодосий скоро и здесь приобрел себе любовь и почтение от братии, и около него сгруппировался кружок лиц, ревнующих о добродетельном житии, в числе которых были — Боголеп (3), ученый муж, написавший в обители многие книги, иеромонах Евфимий, бывший потом настоятелем одного монастыря близ Каргополя и иеродиакон Павел, ставший вскоре настоятелем Кожеозерского монастыря. Между тем в положении невинного заточника скоро по водворении в Кожеозерской обители произошла перемена.

Игумен Сергей, вызванный патриархом Никоном в Москву, успел оправдать в глазах Патриарха невиннооклеветанного Фео-

*В данном случае автор не совсем удачно использует слово «заточение». По отношению к прп. Феодосию оно едва ли уместно. Как явствует из «Истории о блаженном Феодосии», написанной прямым очевидцем этих событий архимандритом Никодимом, игумен Феодосий в тот момент очень тяготился должностью начальствующего и молил Бога, чтобы Господь дал ему возможность послужить Ему в уединении и безмолвии. Господь чудным образом исполнил эту заветную мечту. И в этом смысле пятилетнее пребывание прп. Феодосия в Кожеозерской обители было не заточением, а именно освобождением от тягот повседневных забот и нужд, связанных с игуменством (Ред.).

досия, и к последнему было отправлено извещение, что он может быть свободен от подначального жития и может избрать себе место для жительства, где пожелает. Несмотря на узы дружбы и любви, которые связывали преп. Феодосия с вышеуказанными лицами из братии Кожезерской, любовь к обители преп. Антония взяла верх, и как только получил он разрешение Патриарха от подначального жития, то оплаканный друзьями тотчас пошел в прежнюю свою обитель.

Забыта была прежняя вражда, умолкли страсти и возвращавшегося изгнанника с любовью встречала не только прежняя единомысленная с ним братия, но и враги, с коленопреклонением и слезами прося его о забвении их злодеяния. Недолго, однако, на этот раз пришлось пробыть Феодосию в Антониево-Сийском монастыре.

Братия Кожезерской обители, вскоре по удалении пр[еп]. Феодосия, отправила к патриарху Никону просьбу о том, чтобы Феодосий был у них игуменом. Патриарх уважил это ходатайство, и посланные из Кожезерской обители с патриаршим повелением явились к Феодосию. Смутился Преподобный и был крайне опечален этим новым назначением, но измлада навывкнув послушанию, не решился прекословить начальственному распоряжению и, предав себя в волю Божию и призвав на помощь преп. Антония, вторично отправился в Кожезерскую обитель уже как настоятель ее. С терпением хотя и принял на себя начальственные труды в обители пр[еп]. Феодосий, но дух его стремился на служение Богу в безмолвии; нередко со слезами просил он у Господа освобождения от возложенного на него начальствования в Кожезерской обители. И вот не пробыл Феодосий игуменом и года, как снова оставляет Кожезерскую обитель, — теперь уже навсегда, и водворяется в излюбленной им обители преподобного Антония Сийского.

2 мая 1658 года обитель преп. Антония Сийского постигло большое бедствие: от начавшегося в одной келии пожара огонь быстро распространился на все монастырские постройки и уничтожил все, кроме каменных церквей (соборной и Благовещенской), но и в

них погорели многие иконы, а колокола на колокольне от сильного жара все растопились⁽⁴⁾. Монастырю грозило полное уничтожение, так как многочисленная братия, оставшаяся за несколько дней до пожара без настоятеля⁽⁵⁾, а теперь лишенная и крова, хотела разойтись отсюда.

Господу угодно было снова призвать игумена Феодосия в обитель преп. Антония, чтобы трудами его воссоздать обитель, разрушенную до оснований пожаром. Получив от братии Антониево-Сийского монастыря известие о бедствии, тайно ушел из Кожеозерской обители преподобный Феодосий и с радостью был принят вновь в родной ему обители, не как один из братии, но как отец и учитель; так относился к нему и избранный после пожара игумен Каллиник.

Настояла неотложная нужда в возобновлении монастыря — его храмов, в постройке келейных и дворовых зданий; нужны были немалые на это средства, но где было взять их? И вот надежды всей братии остановились на преп. Феодосии; пришедши к нему, слезно просила Феодосия вся братия взять на себя труд изыскания средств, ехать в Москву и ходатайствовать о помощи перед Государем, боярами и другими благотворителями обители, «бе бо ради добродетельнаго жития им любим и всеми знаем блаженный Феодосий». Усердные просьбы братии (в том числе и келаря Паисия) склонили старца предпринять новое путешествие в Москву. Милостиво принятый там самим Государем Алексеем Михайловичем, преп. Феодосий подробно изложил ему о бедствии обители и получил царское обещание о помощи. По ходатайству царицы Марии Ильиничны и отца ее, боярина Милославского, даровано было монастырю из царских сокровищ до 7000 руб.⁽⁶⁾ Многие ценные пожертвования сверх этого, по ходатайству игумена Феодосия, сделаны были боярами и другими богатыми людьми⁽⁷⁾.

Неизвестно, много ли раз за это время (1658-1663 гг.) предпринимал поездки в Москву Феодосий, или же, отправившись туда после пожара, жил в Москве по делам монастыря несколько лет,

только в житии его передается, что по возвращении из Москвы благодарная ему за благоустройство монастыря братия предложила занять место настоятеля. Недовольный этим бывший тогда игуменом Каллиник оставил должность и удалился в Ошевенский вблизи Каргополя монастырь⁽⁸⁾. Долго отказывался Феодосий от предложенной ему чести, но ввиду неотступных просьб и непреклонного желания братии, не решаясь без Государева и святительского изволения принять настоятельство в монастыре, снова по этому делу отправился в Москву. Через боярина Милославского, принимавшего в делах Феодосия самое близкое участие, последний скоро получил желаемое, и в марте 1663 года Питиримом, митрополитом Сарским и Подонским, послана была в Сийский монастырь грамота о возведении бывшего игумена Феодосия на прежнюю должность в том же монастыре.

Много трудов предстояло новому игумену при возобновлении монастыря, начатом при игумене Каллинике, но, взявшись за дело, не зная времени для отдыха, он сам подавал пример трудящимся, присутствуя на постройках не распорядителем и настоятелем, но одним из рабочих. Закончив возобновление старых погоревших храмов, игумен Феодосий в 1666 г. в колокольне устроил новую церковь в честь трех святителей Московских Петра, Алексия и Ионы, а по сторонам ее — каменные палатки для библиотеки и архива. Им же устроена новая каменная церковь над воротами монастыря, с приделами в честь св[ятых] мучеников Флора и Лавра и преп. Михаила Малеева в 1669 году⁽⁹⁾, разрешение на постройку которой в 1661 г. испрошено было еще игум[еном] Каллиником; а в связи с надвратной церковью в 1685 году устроен был каменный двухэтажный корпус (архиерейские покои).

В числе сотрудников игум[ена] Феодосия в деле возобновления монастыря житие указывает на искусного иконописца Василия Кондакова, усовершенствовавшегося в своем художестве через наставления Феодосия, и инока Герасима («даниловца»), «искусного зодчаго и лиятеля меди и олова», который устроил прекрасный

иконостас и раку преп. Антония. Но, конечно, самым ближайшим помощником его в этом деле был инок Паисий, патриарший казначей, снабжавший монастырь обильными пожертвованиями.

Из других обстоятельств времени настоятельства Феодосия, свидетельствующих о нем как строгом ревнителе благочестия, нельзя пройти молчанием его ближайшего участия в деле канонизации преподобного Евфимия Архангелогородского⁽¹⁰⁾ и совершившегося по его ходатайству в 1678 году перенесения из Мезенского края в Сийской монастырь мощей св[ятых] пустынножителей Исаии и Никанора.

В своей монашеской жизни преп. Феодосий, по словам жизнеописателя, был «воистину муж вечныя памяти достойный». Это был для братии образец веры, смирения, воздержания и кротости. Глубокая его вера в Бога свидетельствовалась постоянным присутствием на устах его имени Божия: молитва его была непрестанна; ходя и сидя, вставая и возлежа, он призывал имя Иисусово, часто пел псалмы и каноны, к чему привык от юности своей; келейное свое правило совершал ежедневно до смерти своей, несмотря на одолевавшие его в старости болезни и, не ограничиваясь им, часто молился подолгу и пел умиленные каноны.

Проникнутый глубоким смирением, он ничего не приписывал себе и своим силам, но всегда говорил, что вспомоществует ему во всем Бог, по молитвам преподобного Антония. На замечание братии, что его трудолюбием распространилась обитель, он обыкновенно говорил: «я ничто, я и не монах, но видель монаховъ». Глубокое смирение его проявлялось во всей его внешней обстановке. Будучи игуменом обители, он проводил дни свои в малой мрачной келии с одним небольшим окном⁽¹¹⁾ и если нужно было истопить печь, то не позволял этого никому делать, сам складывал и зажигал дрова. Вставая на молитву, он закрывал свое единственное оконце, чтобы в тиши и уединении провести молитвенное правило; через это же оконце постоянно обращал он взор свой ко гробу преподобного Антония, молитвенно возводя ум свой к угоднику

Божию. Обветшавшие одежды его были с таким множеством заплат («многوشвены»), что если бы бросить на дорогу, то никто не поднял бы их. В питии и яствах он обнаруживал полное воздержание: вина не пил от юности своей, а пищу употреблял в меру, чтобы только от видящих скрыть свое строгое воздержание. Никто не видал его праздным, и если он не выходил иногда на монастырские работы ⁽¹²⁾, то садился писать книги, которых написал он не мало.

В отношении к монашествующей братии преп. Феодосий был истинный наставник и отец. Под его опытным руководством достигли высокой степени совершенства многие из учеников его. К числу таковых относился вышеупомянутый инок Герасим («даниловец»), Иоанн — «смирный», в монашестве Иларион, бывший впоследствии архимандритом Соловецким и умерший митрополитом Псковским, монах Паисий, патриарший казначей и ктитор обители, монах Варфоломей, по смерти Феодосия бывший игуменом, монах Петр, родственник блаженного, скончавшийся схимонахом, иеродиакон Прохор, впоследствии келарь Троице-Сергиевой лавры, и Никодим, первый архимандрит Антониево-Сийского монастыря.

За богоугодную жизнь препод[обного] Феодосия Господь удостоил его и обитель дивного знамения, совершившегося 17 сентября 1679 года ⁽¹³⁾. Однажды в осеннее время, после полуночи, стоя на молитве, Феодосий увидел в церкви, среди ночной темноты, свет. Спросив у церковного сторожа и потом у кандиловжигателя, — не зажжена ли лампада у гроба Преподобного или не забыта ли зажженная свеча, и узнав, что все лампы и свечи были угашены, он поспешно пошел в храм и увидел у гроба Преподобного горящую лампаду, испускающую необычайный свет. Со слезами благодарности за дарованное от Господа знамение припал блаженный к раке преподобного Антония и изливал горячие молитвы. Собранный вслед затем к утрени братия была свидетелем этого знамения. Двое больных, помазанных елеем из этой самовозгоревшейся чудесно лампы, получили облегчение от болезни.

О духовном прозрении Феодосия свидетельствует один случай из жизни ученика его Илариона, митрополита Псковского. Свое иерархическое возвышение последний всегда приписывал молитвам блаженного учителя своего Феодосия и говорил, что еще когда он в юности был в послушании у Феодосия, то тот дал ему однажды в благословенье образ Псковских чудотворцев, сказав: «Чадо, прими сие благословение, негли во странах тех Богу хотящу улучиши быти», что и сбылось долгое время спустя.

24 года и 8 месяцев, по возвращении из Кожеозерского монастыря, пробыл блаж[енный] Феодосий во второй раз игуменом Антониево-Сийской обители. Достигнув глубокой старости, он стал изнемогать и, чувствуя приближение кончины, после напутствия Св[ятыми] Тайнами, простился со всеми монашествующими и рабочими монастыря. С молитвой на устах, на рассвете субботы 29 октября 1688 года*, блаженный Феодосий предал душу свою Господу, от роду около 74-х лет, пребыв в монашестве 56 лет, и погребен был при многочисленном стечении окрестных жителей и инокинь Емецкого Покровского монастыря в усыпальнице, вблизи гроба препод[обного] Антония⁽¹⁴⁾.

Заканчивая житие блаженного игумена Феодосия, составитель его сообщает об одном чудесном событии, свидетельствующем о небесном ходатайстве почившего игумена. Несколько лет спустя по кончине Феодосия⁽¹⁵⁾, накануне дня памяти его (28 декабря)⁽¹⁶⁾, когда к архимандриту монастыря по обычаю явился за благословением наблюдавший за монастырскими рабочими-рыболовами, архимандрит Никодим велел сверх 3-х урочных тоней, в память блаженного Феодосия, забросить в этот день сети в 4-й раз. Время было глубокой осенью, озера уже покрылись льдом, и рыба в тот год ловилась очень плохо. После трех неудачных тоней, по распоряжению настоятеля, предложено было забросить невод в четвертый раз. С неудовольствием и нескрываемым ропотом трудники

* В то время новый год начинался в сентябре. В переводе на современное летоисчисление прп. Феодосий почил в 1687 г.

встретили это предложение. Заброшен был невод и когда стали извлекать его, то почувствовали необычайную тяжесть и предполагали, что колоды на дне озера зацепили сети. Это еще более усилило негодование рабочих. Но вот с большими усилиями невод все-таки начали тащить и вблизи берега увидели в нем несметное количество рыбы.

Когда вытащены были сети, то в неводе оказалось однородной рыбы, называемой лещами, до 800 штук больших и множество меньших размеров, так что наловленной рыбой наполнили пять возов. С радостью возвратились трудники в обитель, прославляя Бога и угодников его Антония и Феодосия. «Такой ловли рыбы, — заключает жизнеописатель, — на этом озере (Лопское) никогда не бывало».

Есть немногие данные предполагать ⁽¹⁷⁾, что преподобный игумен Феодосий с того времени местно чтим был в лике святых угодников Божиих; не дошло дело только до полной канонизации его церковной властью. Причину этого можно видеть в том, что наступил XVIII век, сравнительно с предшествующими этот век был иного духа и направления в жизни нашего отечества, отразившихся известным образом и на церковной жизни России.

ПРЕПОДОБНЫЕ ПУСТЫННОЖИТЕЛИ ИСАИЯ И НИКАНОР РУЧЬЕВСКИЕ

Кто были по происхождению пустынножители Исаия и Никанор, где полагали начало своих иноческих подвигов, и где и в какое время подвизался последний из них — об этом не сохранилось никаких сведений до нашего времени. Можно только предполагать, что они были иноками Николаевского Корельского монастыря, закончившими свое земное поприще в сокрытой от взоров мира сего пустыне, на берегу Белого моря, вдали от поселений человеческих⁽¹⁾.

В сохранившейся в одном из рукописных сборников Антониево-Сийского монастыря (XVII в.) краткой «Повести о пришествии преподобного Исаии Ручьевского»⁽²⁾ передается, что он (Исаия) пришел на зимнюю сторону в Золотицу в 7123 (1615) году и одному из крестьян Зимней Золотицы, Антону Федорову, велел довести его до речки Ручьи, где в расстоянии версты от моря лежал прославленный Богом человек, неизвестный по имени. К месту, где покоился неизвестный пустынный, нааношено было много плавучего леса и устроено было над ним как бы некоторое здание («аки хоромина»).

Старожилы рассказывали, что этот неизвестный человек, приплывший из-за моря в небольшом судне с наемным человеком, был ограблен последним и убит и лежал здесь уже с давних лет, задолго до прихода Исаии. Осмотревши это место, Исаия возвратился к Двине (неизвестно точно — куда) и на другой год прибыл сюда один в небольшой лодке, переплывший безопасно по морю около 150 верст, очевидно, с намерением поселиться в Ручьях для уединенных подвигов. Не успел однако Исаия устроить себе келии, как настала уже зима, и он должен был в горе выкопать себе для жительства глубокую яму.

ПРЕПОДОБНЫЕ ИСАИЯ И НИКАНОР РУЧЬЕВСКИЕ

В наступившую зиму он много перенес от сильных морозов и недостатка пищи, сокрытый под пластом снега толщиной в 2-3 сажени. Но эти лишения суровой пустыни не устрашили подвижника, и на следующее лето он выстроил себе келию, а над нетленно почивавшим преподобным — часовню. В этой же часовне впоследствии нашел себе место вечного упокоения и преподобный Исаия, неизвестно когда скончавшийся.

В 8178 (1665) году* Зимнезолотицкой волости церкви Рождества Пресв[ятой] Богородицы иерею Симеону было видение. Явившийся в светлом образе муж открыл Симеону, что в Ручьях почивают Исаия и с ним другой лежащий, имя которому священноиннок Никанор. При этом видении болевший до тех пор головой иерей Симеон стал здоров.

В том же году один из жителей Зимней Золотицы Феодор Федотов отправился в море для ловли морских зверей. Улов выдался необычайный, и за одним судном он плавил до 400 зверей. До материка было еще далеко, едва видна была земля, как поднялся противный ветер с берегов, который грозил сильным волнением отнять у ловцов всю добычу. Но когда Феодор с товарищами в минуты опасности стал молиться Богу и преподобным отцам Исаие и с ним почивающему, дали обет и собрали денег на свечи преподобным, то влекомое как бы невидимою силою судно со всей добычей пошло против ветра к берегу так быстро, как на парусах. Благополучно достигнув берега, утомленные борьбой с водной стихией путники вскоре заснули.

Во время сна в видении Феодору явился от Ручьев один старец, великий ростом, сутуловатый, с седой бородой и сказал ему: «Встань от сна и позаботься о морской добыче, а что обещал в Ручьи, в часовню, то донеси исправно». Пришедши к добыче, Феодор нашел связи от сильного ветра и морских волн порванными, но несмотря на это, все звери оказались в целости, не унесенные морским течением.

* В тексте допущена типографская опечатка. Следует читать 7178 г.

Очевидно, что почитание преподобных пустынножителей Исаии и Никанора и молитвенное обращение к ним в нуждах после подобных чудодейственных явлений стало распространяться среди окрестных жителей на далекое пространство. Повесть замечает в конце, что «отъ тех преподобных отец благодать Божия сияет и кто из православных христиан помолится этим отцам с верою, то во время плаванія по морю избавляют от потопления во время бурь морских и в промыслах морских ниспосылают помощь».

Так как мощи преподобных Исаии и Никанора почивали в отдалении от населенных мест, верст за 100, в монастырской вотчине Антониево-Сийского монастыря, то последнему всего естественнее было позаботиться об охране святыни от возможных случайностей, вроде поругания от неверных (язычников самоедов), а может быть и от возможного похищения их со стороны раскольников⁽³⁾. Найдено было более удобным перенести мощи пустынножителей из пустынной местности Ручьевской в обитель преп. Антония.

В феврале 1677 года игумен Феодосий с братией обратились об этом с просьбой к Новгородскому митрополиту Корнилию. В разрешительной на это ходатайство грамоте митрополита было сказано: «есть де в вашей монастырской вотчине, в Ручьях, на пустом месте из давних лет погребены пустынножители священноинок Исаия и священноиерей Никанор никем небрегомы, от живущих православных христиан верст за 100, токмо де иноверцы самоедцы ругаются; и как бы тебя игумена Феодосия пожаловати велети тех пустынножителей взять к вам в Сийский монастырь и погребсти с братиею на монастыре, как и прочую братию усопших погребают и о том велети дать нашу грамоту. И как к тебе сия наша грамота придет и ты тех пустынножителей Исаию и Никанора с того пустого места в Антониев Сийский монастырь перенести велел, буде возможно, и погребсти их в том Сийском монастыре, где братию усопших погребают. А святости никакия на них до подлиннаго свидетельства не налагать»⁽⁴⁾.

Получивши разрешение, в следующем 1678 году осенью игумен Феодосий отправил за мощами пустынножителей трех священнослужителей обители, и когда мощи были привезены, то с подобающей честью были преданы земле в устроенной для этой цели усыпальнице, вблизи гроба преподобного Антония. Надпись в стене на плите гласит: «Благословением Великаго Господина преосвященнаго Корнилия, митрополита великаго нова града и великих лук, а упрощением Сийскаго Антониева монастыря игумена Феодосия с братиею, посланы были в монастырскую вотчину на зимнюю сторону в Ручьи черные священники Никодим да Лаврентий, да диакон Иосиф и привезли в тот Сийский монастырь мощи святых пустынножителей священноинок Исаию да Никанора, лета 7186 сентября 10 дня».

Поминовение почивающих подвижников в Антониево-Сийском монастыре ежегодно совершается 24 сентября*. В панихидном синодике, переписанном при архимандрите Порфирии в 1729 году, читаем: «24 сентября — поминать ручьевских чудотворцев — иеромонаха Исаии, иеромонаха Никанора»⁽⁶⁾. Так как не было канонизации преподобных, то память их чтится служением над гробом их панихид.

* Автор воспроизводит ошибку, которая была допущена при переписывании Сийского синодика при архимандрите Порфирии. Подробнее об этой ошибке см. статью Беловой Л.Б. «Список повести «О пришествии преп. Исаии» / Труды отдела древнерусской литературы. — Наука — 2007. т. LVIII. с.385. Согласно предшествующим Сийским синодикам и Кормовой книге, память рпп. Исаии и Никанора Ручьевских отмечается 10/23 сентября (Ред.).

ИНОК ПАИСИЙ, ПАТРИАРШИЙ КАЗНАЧЕЙ И КТИТОР ОБИТЕЛИ

Незабвенную память своими благотворениями обители преп. Антония оставил по себе смиренный инок Паисий, закончивший свое земное служение в звании патриаршего казначея. Он был сын соборного священника Сийского монастыря Мефодия, с юных лет жил он в монастыре и измлада таким образом напитался духом монашества и возлюбил его. Несомненно, что особенно благотворное влияние в этом отношении имел на Паисия благопечительный игумен Феодосий, в числе учеников которого он был. Проходя различные монастырские послушания, Паисий долгое время состоял келарем обители. В 1664 году он был пострижен игуменом Феодосием в монашество и до конца дней своих пребыл в скромном звании простого инока, не ища по своему смирению иерархических степеней.

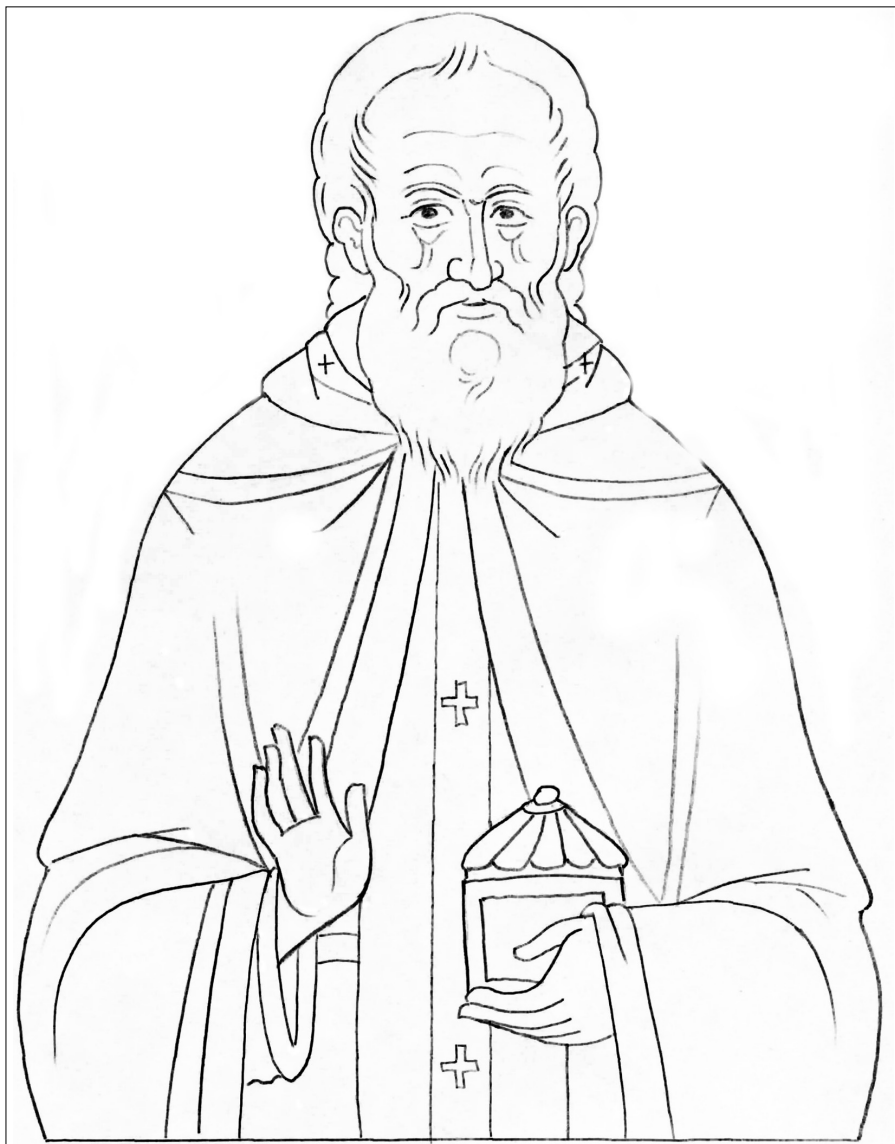
Указом патриарха Иоакима от 30 июля 1676 года инок Паисий был назначен на должность патриаршего казначея. Это назначение, разлучавшее самого Паисия с любимой им обителью преп[одобного] Антония, в которой он, можно сказать, вырос и воспитался «в мужа добраго жития и смысла»⁽¹⁾ для самой обители имело очень важное значение. В лице казначея Паисия, занявшего видное положение, обитель получила теперь, с одной стороны, сильного ходатая и заступника перед имеющими власть в самой столице, а с другой — и щедрого «строителя»⁽²⁾, который, не ограничиваясь личными пожертвованиями, привлекал обители многих других жертвователей и до самой кончины своей непрестанно заботился о благоустройстве воспитавшей его обители. А в этом, как мы видели в жизнеописании блаж[енного] Феодосия, обитель Сийская весьма много нуждалась после пожара 1658 года.

Чтобы видеть, как много пожертвований лично от себя присылал он «на строение монастыря» и как много привлекал других жертвователей на это дело из Московских служилых и торговых

людей, достаточно только бегло просмотреть книгу вкладов Сийского монастыря за 1680-1695 годы, где наряду с пожертвованиями денежными в значительных суммах записаны пожертвования церковной утварью и хлебными продуктами. Вот почему во вкладной на 300 рублей, выданной Сийским монастырем казначею Паисию еще в 1680 году, сказано было, что «он монах Паисий жаловал во всяких монастырских нуждах, вспомогал и заступал и на судах денег давал окупать монастырские долги, так что исчислить благих его к обители сей не можно, Сам Бог да возмерит»⁽³⁾.

В последующие за этим годы его благотворительная деятельность приняла еще более широкие размеры⁽⁴⁾, и благодаря ему в эти годы обитель после пожара украсилась несколькими каменными зданиями. Его иждивением построен был двухэтажный настоятельский корпус в 1685 г., другой (архиерейский) каменный корпус в связи с надвратной церковью преп. Сергия и третий — двухэтажный братский корпус (ныне одноэтажный) к западу от собора. В это же время монастырская колокольня обогатилась новым благозвучным 300-пудовым колоколом⁽⁵⁾, а ризница монастырская и книгохранилище — дорогими облачениями, напрестольными евангелиями и другими ценными книгами. До сих пор в Сийской обители сохраняются эти ценные дары о. Паисия. Упомянем некоторые из них.

В 1683 году казначей Паисий устроил для монастыря большое напрестольное Евангелие, украшенное дорогими камнями. На верхней серебропозлащенной доске Евангелия в изображении Воскресения Христова находятся яхонтовые искорки и жемчуг в венце Спасителя, по углам изображения евангелистов с мелкими изумрудами и яхонтами; сверх этих украшений на верхней же доске два больших изумруда. Вокруг доски помещена надпись, свидетельствующая о том, что это дар о[тца] Паисия⁽⁶⁾. Более ценный дар представляет другое Евангелие, отличного полууставного письма, с таковыми же миниатюрами на полях, соответствующими содержанию, со святыми в конце его. Это Евангелие, называемое

СТАРЕЦ ПАИСИЙ
(прорись)

«апракос», начинаясь чтением пасхальным, заключает в себе ряд евангельских чтений на все дни в порядке года церковного. Письмо Евангелия до настоящего времени поражает своею свежестью, а особенно ценны и представляют верх совершенства расположенные в тексте и на полях Евангелия и святцев многочисленные миниатюры, числом свыше 2130.

По свидетельству ученых археологов (проф. Н.В. Покровский), это редчайший образец Евангелия-апракоса, приготовленного в Москве во второй половине XVII века. Насколько ценил этот дар многоценный сам жертвователь, видно из надписей по листам книги, в которых он всякими клятвами заклинает не брать этой книги из монастыря преп. Антония, чтобы она была непререкаемой собственностью монастыря на веки. Кроме этих пожертвований, хранящихся ныне в ризнице монастыря, имеются в монастырской библиотеке и другие книги, оставшиеся от о[тца] Паисия, например, 10 рукописных хронографов, содержащих в себе историю всемирную и российскую, псалтирь толковая и др.

Благоустрояя родную обитель свою через материальные пожертвования, инок Паисий стремился также поднять ее значение среди других обителей Севера и в церковном отношении. В этом смысле имеет немаловажное значение совершившееся в 1692 году, несомненно, не без его ходатайства перед патриархом Адрианом учреждение в Сийском монастыре архимандрии. С грамотой Патриарха, которой последний благословлял в Антониево-Сийском монастыре «от сего времени впредь на будущая лета быти архимандрии», в вышеуказанном году сам о[тец] Паисий прибыл в обитель, и преосвященный Афанасий, архиепископ Холмогорский, 31 июля поставил в архимандриты из постриженников Сийского монастыря, ученика игумена Феодосия, казначея иеромонаха Никодима ⁽⁷⁾. Для нового архимандрита казначей Паисий привез с собой и архимандричью шапку, украшенную иконами и обложенную резным серебром и золотом с камнями, жемчугом и пухом ⁽⁸⁾.

17 декабря 1695 года почил от трудов своих инок Паисий, и сам патриарх Адриан с архиереями и множеством духовенства совершил отпевание его в Московском Богоявленском монастыре. Затем честное тело о[тца] Паисия, по его завещанию и по грамоте Патриарха, увезено было для погребения в Антониево-Сийский монастырь, где при служении архиепископа Холмогорского Афанасия было предано земле в усыпальнице, направо от входа, вблизи гробницы преподобных Исаии и Никанора. Об этом свидетельствует надпись над гробом, вырезанная на камне в стене: «Лета 7203 декабря 17 числа волею Божию преставися раб Божий дому святейшаго Адриана патриарха казначей монах Паисий Сийский; над телом его надгробное пение сам святейший совершал с архиереи в Богоявленском монастыре и по его святейшаго патриарха указу привезен погребсти на обещание в Сийский монастырь января в 7 число и того же месяца в 13 день преосвященный Афанасий, архиепископ Холмогорский и Важеский, над телом вышеупомянутым отпев панихиду, погреб в усыпальнице, в нейже братия прощение творят ко гробу чудотворца Антония. Пострижен в 172 году*⁽⁹⁾, в послушании был у игумена Феодосия, в дому святейшаго казначеем 19 лет».

Ежегодно, 17 декабря, в обители преподобного Антония совершается поминовение патриаршего казначея Паисия и родных его⁽¹⁰⁾.

Из вышеприведенных жизнеописаний подвижников, почивающих в усыпальнице Антониево-Сийского монастыря, мы видим, что после главной святыни обители — почивающих под спудом мощей преподобного Антония, основателя обители — для нее должны быть дороги и те могилы, в недрах которых сокрыты мощи преподобного игумена Феодосия Сийского, пустынножителей Исаии и Никанора Ручьевских и великого трудника и благоукрасителя обители инока Паисия.

* Согласно современному летоисчислению 7172 соответствует 1664 году (Ред.).

Вечная ваша память, достоблаженные отцы и братия! Имея дерзновение у престола Царя, Господа Славы, испросите мир и благословение Божие обители, да не оскудевает она, но да благоукрашается и впредь иноческими добродетелями своих насельников, служа светочем для окрестного населения, всегда с любовью притекающего под кров св[ятой] обители.

Примечания

1. Преподобный Антоний, Сийский Чудотворец

1. Архангельские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. №№ 22, 23, 24. 1906 год.

2. В литературе известно много списков этой редакции, упоминаемых у П.М. Строева, Н. Барсукова и в описании рукописей Соловецкого монастыря, издан[ных] при Казан[ской] Духов[ной] академии. В рукописях Сийского монастыря, которые нынешним настоятелем, о. архимандритом Николаем, переданы в Архангельское Епархиальное древлехранилище, мы пользовались следующими списками: 1). Сборник житий святых, рукоп[ись] XVI в., полуустав, в 4 д. листа, в кожан[ом] переплете (№ 269); в числе других житий в нем находится: «Преподобнаго и богоноснаго отца нашего Антония новоявленнаго, иже Сийский наречется, списано бысть многогрешным Иваном русином... в лето служба, составленная царевичем Иоанном (лл. 324-367), житие и подвизи и отчасти чудес исповедание препод[обного] отца нашего Антония игумена, иже на Михайлове озере пречестен монастырь поставльшаго... Списано бысть священноиноком Ионою тояже честныя обители постриженником (лл. 368-512), слово похвальное преп. отца нашего игумена Антония, Сийскаго Чудотв[орца] (лл. 512-532) того же автора. 2). Рукопись XVII в., скоропись, в 4 д. [листа] в кожан[ом] переплете; в ней на 135 листах: житие и подвизи и отчасти чудес исповедание... списано Ионой, редакция, что и вышеуказанная (только без описания 2-х чудес — «о видении, бывшем первому списателю жития» и «о явлении в Сийской обители» устава (лл. 1-118) и слово похвальное преп. Антония того же священноинока Ионы (лл. 118-135), без конца (недостает 5-10 строк). 3). Рукопись XVII в., скоропись, в 4 д. листа в кожаном переплете; на 26 первых листах разнообразное содержание, далее — служба препод[обному] Антонию, составленная свящ[енником] Ионой, и служба ему же, составленная царевичем Иоанном Ивановичем, в конце сборника молитва преподобному: «О всеблаженне отче наш Антоние, теплый заступниче и помощниче». 4). Рукоп[ись] XVII в., в 4 д. листа в кож[аном] переплете; на листах подпись: «205 (1697) году сию книгу житие Чудотворца Антония со службою архимандрит Никодим положил в доме Живоначальныя Троицы и Чудотворца Антония». В рукописи служба препод[обному] Антонию, составл[енная] Ионой, житие

преп[одобного] того же автора (чудес 14) похвальное преп[одобному] слово. 5). Рукопись начала XIX века, полуустав, в 4 д. листа в кож[аном] перепл[ете], представляет житие преп[одобного] Антония, составленное, вероятно, епископом Екатеринославским Анастасием, в бытность его архимандритом Сийского монастыря (1824-1828); к житию приложена повесть о явлении Преподобного в 1672 году и об установлении крестного хода к озеру Угловатому; а также описание чудес Преподобного, совершившихся в начале XVIII века. Из этой рукописи писавшие священники об Антониево-Сийском монастыре А. Кириллов и о. Вс. Перовский почерпнули невероятное сообщение о рукоположении преп[одобного] Антония от святит[еля] Моисея, архиеп[ископа] Новгородского (преп. Антоний был рукоположен между 1508 и 1513 гг., а свят[итель] Моисей скончался в 1362 году).

3. Филарет, архиеп[ископ] Черниг[овский]. Обзор рус[ской] дух[овной] литерат[уры], стр. 223. Н. Барсуков. Источники рус[ской] агиографии, стр. 511, 78.

4. Рукопись XVII в., в 4 д. листа, скоропись (пожертв[ована] архим[андритом] Никодимом), лл. 4-5; 82-83.

5. Там же, л. 132.

6. Филарет, архиепископ Черниговский. Обзор рус[ской] дух[овной] литерат[уры], 224-225 стр.

7. См. напр[имер] о житии редакции царевича [Иоанна], описан[ном] в числе рукописей Соловец[кого] монастыря, находящихся в Казанской Дух[овной] академии под № 541 (Описание рукописей, т. II, стр. 274).

8. Н. Барсуков. Источники русской агиографии, стр. 54.

9. Житие Преподобного в Сборнике житий, стр. 468-470.

10. Филарет, архиепископ Черниговский. Обзор русской духовной литературы, стр. 225.

11. Есть указания, напр[имер], о намерении Вас[илия] Бебря ограбить обитель (канон 2-й, п. 1. тропарь 3-й), о чудесном спасении иконы Св[ятой] Троицы из пламени, по молитвам Преподобного (кан[он] 1-й, п[еснь] 3, троп[арь] 1), о возрасте Преподобного при его кончине («единого лета по осмидесятом в течение твоём недокончав, блаженне») (канон 2-й, пес[нь] 9, троп[арь] 1) и некоторые другие.

12. Н. Барсуков. Источ[ники] рус[ской] агиографии, стр. 51.

13. Для образца слога службы преп. Антонию приведем несколько

выражений: «сушая мира яко несущая вменил еси и сего ради от всех упразднися, не смутным умом и не мятежным сердцем служба Богу» (стих, на мал[ой] веч[ерне] на Гос[поди] воз[звах]); «душевное еже око от помысленных прилог свободно к Богу возвел еси» (на мал[ой] веч[ерне], стих, на стих[иру]); «ума высокое смирением возведе Богови» (на вел[икой] веч[ере] стих, на Гос[поди] воз[звах]); «ветрило ума яко легко к Богу вперил еси» (там же); «достиже обрести богодатен дар светолепный мзду трудов твоих премудрое снискание пречудный образ единосущныя Троицы» (там же); «неудобь покоривое плоти возразив воздержанием, научив сего повиноватися благому помыслу в хотения Божия» (стих, на литии); «крепкодушным терпением многоболезненным страданием к неболезненным достигл еси» (на мал[ой] веч[ерне] на Гос[поди] воз[звах].) и др.

14. Рукопись начала XVII в., скоропись, в 8 д. листа, в хорошем кожан[ом] переплете, имеющая в начале надпись: «Устав Кириллова монастыря», лист 24 об.

15. Рукоп[ись] XVII, скороп[ись], в 4 д. л., в кожан[ом] перепл[ете], заключающ[ем] месяцеслов, с Кормов[ой] книгой, лист I (о крестном ходе в 1672 г.).

16. Приводим дословно этот интересный документ: «Список с отписи, се яз игумен Онтоней троецкого монастыря с сеи начальник, что есми благословил Феогносты сына своего духовнаго игуменити в свое место и соборных старцов исайю, елисея, фотея, макарию, онуфрия, гурья. И игумен Феогност игуменил у нас два года и отчет нам отдал в монастырском строении и... старци в церковном и в казенном и в всяком монастырском приходе и в расходе, и в усолях и в селах, и в патриарших деньгах сполна, да и духовную грамоту, и приходные книги и щетной список отда в казну, а сидели старци у тое... старец нектарий соловецкий, да келарь васьян, да казначей... а отпись писал варлам крылошанин лета 7058 генваря 7 день».

17. Место родины преподобного Антония указывают ныне в деревне Кехотского прихода — Григоровской (см. Крат[кое] истор[ическое] описание приходов Архангельск[ой] епар[хии], ч. I, стр. 195), где в ознаменование этого события устроена часовня.

18. Так называется мать Преподобного в рукоп[иси] XIX в. (лист. 4), хотя имени ее нет ни в редакции жития Ионы, ни в синодиках монастыря, где перечисляется род преп. Антония.

19. См. краткое истор[ическое] опис[ание] прих[одов] Архан[гельской] епар[хии], ч. I, стр. 195. На земельные владения Соловецкого монастыря в Кехте, между прочим, указывает и одна «раздельная» на деревню на Бору между Соловецким монастырем и св[ятым] Георгием (храмов в Кехте) от 1521 года в актах Холмогор[ской] и Устюж[ской] епархии, ч. II, стр. 6 и 8.
20. Течет из озера Кено в реку Онегу.
21. «В 400 сажнях от бывшего Кемскаго монастыря ныне приходская церковь на западе, на том же берегу р. Кены, на месте низком стоит уединенно небольшая деревянная часовня, в роде крестьянского амбара, приютившаяся под тень березы, защищенная с севера молодым листовным лесом. В часовне, кроме имеющих двух старых, стоявших некогда на открытом воздухе крестов и таких же образов замечательных по безобразно намалеванным лицам невольно привлекает блуждающие взоры посетителя единственный по письму образ, — близко подходящей работой к живописному, — преподобных Пахомия Кенскаго и Антония Сийскаго, как виновников существования здесь этого молитвенного храма. Часовня эта служит памятником того места, на котором было чудесное видение Антонию, когда он еще шел из мира, чтобы поступить в Кенский монастырь, в число братства» (Христ[ианские] чтен[ия], 1887 г. №№ 9-10, стр. 516).
22. Христ[ианские] чт[ения], 1887, №№ 7-8., стр. 259, прим.
23. Жит[ие] преп[одобного] Ант[ония], рук[опись], пожертвов[анная] архим[андритом] Никодимом, лист 5.
24. Житие Преподобного вышеуказан[ное], л. 16.
25. Там же, 18.
26. Так в оригинале. Надо читать — свечи.
27. Христ[ианские] чт[ения], 1887, №№ 7-8, стр. 260, прим.
28. В течение времени, когда церковь эта обветшала, жители Шелексы перенесли ее на места нынешних приходских храмов, а на месте бывшего поставили часовню. Таковая стоит здесь и в настоящее время (Крат[кое] [историческое] опис[ание] приход[ов] Арх[ангельской] епарх[ии]. Вып[уск] III, стр. 105-106).
29. «Во многих новгородских монастырях, даже до преобразования их в 1528 году, обыкновенно обитали — в лучших шесть чернецов или семь, а в прочих — и два или три» (Макарий. Ист[ория] Рус[ской] Церкви, т. IV, кн. I, стр. 301).

30. Крест этот стоял до 1668 г., когда Сийский игумен Феодосий написал новый крест и построил на том месте храм, стоявший до 1721 г., когда архим[андритом] Никодимом устроен был новый храм вместо обветшавшего прежнего (Рукоп[ись] XIX в. Жит[ие] Преп[одобного], лл. 69-70). Сам Преподобный особенно любил это место и, по кончине его, на этом месте совершились многие чудеса, как это видно из описания чудес Преподобного.

31. Название места «островом», употребленное в житии, дает основание думать, что нынешний вход в обитель с севера через узкий перешеек, соединяющий ее с сушей, есть позднейший искусственно устроенный подъем по поверхности озерного дна.

32. Правосл[авный] собеседн[ик], 1860 г., ч. III, стр. 204-212.

33. Имена их следующие: Александр, Иоаким, Исаия, Елисей, Александр и Иона.

34. Житие Препод[обного], л. 32.

35. Жалованная грамота царя Иоанна Грозного монастырю от 28 янв[аря] 1543 г.

36. Известны и другие иконы письма Преподобного. Так, в Кормовой книге, в месяцеслове под 6 декабря читаем: «образ чудотворцева письма ставят в трапезе на налое» (стр. 39). Есть предание, что и икона Благовещения Пресв[ятой] Богородицы в Турчасовском приходе Онежского уезда писана рукой преп. Антония Сийского (см. Описан[ие] прих[одов] Арханг[ельской] епарх[ии]. Вып[уск] III, стр. 81).

37. Житие Преподобного, л. 40-й.

38. Там же. По редакции жития, писанного царевичем [Иоанном], икона оказалась на площади монастырского двора, хотя никто не мог ее вынести из пламени (Румянц[евский] муз[ей], рукоп[ись] № 1169, стр. 40).

39. Первый раз упоминается в «данной» 1537 года.

40. Нужно заметить, что построенные Преподобным церкви, вероятно, не достояли до конца его жизни, и значащиеся в его описи церкви не были церквями этой постройки, так как до 1543 г. в обители сгорели уже 4 церкви (Грам[ота] [царя] И[оанна] Грозного от 28 января 1543 г.)

41. Таких размеров была в окружности стена, построенная в XVIII в.

42. Вот перечень уцелевших купчих: купчая на двор в Уне — за 5 руб (от 1539 г.), на двор в Холмогорах — за 9 руб (1540), на 1/2 деревни Шараповской — за 55 руб (1542), на Рындинскую деревню — за 24 1/2 руб

(1542), на деревню Пермилово на Ваймуге — за 7 руб (1543), на деревню Матюковскую-Лохогскую — за 22 руб (1543), на Ваймуге дер[евню] Волково — за 15 руб (1543).

43. Данная Афан[асия] Лукина на дер[евню] на Лисестрове, на Исаковой горе (от 1537 года), данная Макарова «на варницу и црен в больших местах в Уне» (1537), данная В. Демидова на рыбные ловли, пожни и пахотн[ые] земли въ Золотице (1540), данная Даниила Нефедьева на дер[евню] Тенюховскую (1540), данная Чевакина на косу сена въ Кинжугской губе (1540), данная Леонтия Лешого «на пожни и чишенье» на р. Луде (от 1541), данная Черного «на косу травы в Унской губе» (от 1542 г.) и отступная Шеина на одну треть в полудеревне Шараповской (от 1542 г.)

44. Грамота [царя] Иоанна Грозного, жалованная от 28 января 1543 г.

45. Эта грамота не сохранилась, она упоминается в числе шести грамот, в описи Преподобного.

46. Грамота царя Иоанна Грозного от 6 февр[аля] 1545 года. В 1551 году выдана была уже другая грамота, в которой, очевидно, в соглашении с новым судебником, сделано некоторое изменение: «не велено рушить вышеданную грамоту, опричь душегубства и татьбы с поличным, а в душегубстве и татьбе с поличным судят наши двинские наместники и их тиуны, а в разбойном деле про разбойников обыскивают губные старосты по нашим губным грамотам».

47. Данная С. Карпова на его участок в Золотице в рыбных ловлях (1546), данница Петровых на тоню Глинку на Зимней стороне (1546), данная Детинкина на 1/4 деревни Дементьевской в Койдокур[ской] волости (1547), данная Иванова на участок в Золотице и брата его на свой участок там же (1547), данная Андреева на участок разсола в Неноксе, на наволоке (1548) данная брат[ьев] Лукиных на пожню «в великом острове» (1549), данная Никифорова на вотчину в тонях морских в Золотице и в Терпиловских тонях (1551), данная священника Илии Михайлова, с Ровдиной горы, на 1/2 кучина наволока, за Двиной, на рыбы острову (ставились 1000 куч сена (1553), данная Комарова на д[еревню] Кривцевскую, на 2 двора в Матигорах (1555), данная Емельянова на 2 пожни «в подсосоньи» (1555) и его же на 2 пожни с[ела] Шарапова (1555).

48. См. перечень скота и хлеба в этих селах в описи имущества, составленной Преподобным 10 августа 1556 года.

49. «Телом мошен и крепок зело, в трудех вельми мужествен, яко за два мощи ему трудитися или за три» (житие, л. 18 на обороте).
50. См. в описи Преподобного перечень оставшихся книг.
51. «В 1543 г. были на Двине при Госуд[аре] царе и вел[иком] кн[язе] Иоанне Васильевиче наместники Василий Михайлович Воронцов да Иван В. Полев» (Двин[ская] летоп[ись], издан. Титова, стр. 9).
52. «На наших памятех, говорит составитель жития, выполнил свой обет, постригшись с именем Силуяна и добре чернечествовав, преставися ко Господу» (Житие Препод[обного], л. 54).
53. Житие Препод[обного], л. 55.
54. Житие Препод[обного], л. 62.
55. Геласий в то время по делам монастыря был в Золотице и оставался там до осени, когда не мог за осенними бурями возвратиться в обитель, так что не был и при кончине Преподобного.
56. Духовное завещание и опись Преподобного сохраняются в ризнице обители. Списки их имеются в документах, переданных в Архангельское древлехранилище.
57. Богосл[овский] Вестн[ик]. 1891, октябрь, 76-77 стр.
58. Житие Препод[обного], л. 81.
59. Хотя на основании приписки в одной редакции жития (в рассказе о первом чуде об игумене Питириме, что тогда строилась Троицкая каменная церковь) (В.О. Ключевский. Жит[ия] свят[ых], стр. 300) и относит написание посмертных чудес Преподобного ко времени более позднему, чем составление самого жития, но другие списки жития, более ранние, содержащие неподновленную редакцию жития, устраняют всякое сомнение в этом отношении (в редакции списков наших житий игумен Питирим представляется только «обновляющим» церковные здания, но не строящим каменную церковь).
60. Известно, что «в 1571 г. по воле царя Иоанна IV присоединены были к пермской или вологодской епархии от Новгородской еще Двина, Вага, Холмогоры и Каргополь со своими уездами, но по смерти Иоанна все эти места вновь отданы (в 1584 году) Новгородскому архиепископу» (Макарий. Истор[ия] Рус[ской] Церкви, т. VI, кн. 1, стр. 357).
61. Е.Е. Голубинский, стр. 88.
62. Иона пишет житие по благословиению Варлаама, епископа Вологодского и Великопермского, которому подчинена была тогда Двинская область.

63. В прих[одно]-расх[одной] книге казначеев монаст[ырь] с 1572 г. значится в 7087 (1579) году: «да писал (т.е. переписывал) диак жития чудотворца Антония дал найму 7 1/2 алтын».

64. Там же читаем: «уздил игумен Питирим к Москву и с ним старцы священник Варсонофий, да старец Филофей (на дороге — подвода и издержки израсходовано 21 руб 7 гривен)».

65. Е.Е. Голубинский. Б[огословский] Вест[ник]. — 1904, август, стр. 204.

66. Может быть, для этой цели «ездили в 1579 году, как сказано в вышецитированной прих[одно]-расход[ной] книге, свящ[енник] Тит, свящ[енник] Иона вь Новгороду» (издержали казенных денег 5 руб[лей] 10 алтын).

2. Преподобный Феодосий, игумен Антониево-Сийского монастыря

1. Составитель жития объясняет это недоумение юноши Феодора тем, что в Двинской области в то время каменных храмов и других каменных построек не было: первый раз в жизни в лунную ночь августа месяца он увидел каменные постройки.

2. Составитель жития архимандрит Никодим был внук[ом] игумена Сергия и в описываемое время проживал у деда своего, учась грамоте, так что видел образ жизни препод. Феодосия в Кожеозерской обители и подробно описал об этом в житии его.

3. Постриженник из знатных лиц (в мире князь Львов); его брат был наставником царя Алексея Михайловича, как сказано в житии.

4. Памят[ная] кн[ига] монастыря, л. 159.

5. Бывший до времени пожара игумен Корнилий оставил должность по следующему поводу, рассказанному в житии пр[еп]. Феодосия. В одну ночь стоял он на молитвенном правиле («бе бо духовен муж и на молитву зело подвижный») и от усыпальницы, где гроб препод. Антония, он увидел идущего мимо алтаря большой церкви (собора), близ его келии, священнолепного вида монаха, который говорил: «горе вам, окаянии чернецы, яко своим небрежением монастырь возжещи имате». Ужаснулся этому видению Корнилий, три дня неутешно плакал и отказался от настоятельства. Через несколько дней предсказанное препод. Антонием в видении бедствие сбылось! Братии в обители в то время было 184 человек и мирян — 183, а всего 367 (Памят[ная] кн[ига], л. 109).

6. В рукописной книге записей вкладов (в 1/4 л., в коже), после многих исчислений пожертвований царя Алексея Михайловича за 1659, 1660 и 1661 годы сделано общее замечание: «а все сие великаго государя жалование, что писано выше, все учинилось по челобитью промыслом отца нашего игумена Феодосия во время меж игуменства его».
7. Вклады многих бояр и других жертвователей 1659, 1660, 1661, 1668, 1670 и 1674 гг. по записи внизу листов книги, «промыслом отца игумена Феодосия» (там же).
8. Грамотой царя Алексея Михайловича от 3 апреля 1664 г. в Михаило-Архангельский монастырь разрешалось избрать в настоятели монастыря Сийского игумена Каллиника, если желательно это братии и служебникам (см. нашу статью о монастыре св[ятого] архистратига Михаила в г. Архангельске в Архан[гельских] Епар[хиальных] Ведомостях за 1898 г.).
9. Ныне надвратная церковь преп. Сергия Радонежского, перестроенная во время управления Архангельской епархией архиепископа Варсонофия (1740-1759).
10. Об этом подробно изложено в вышеуказанной статье о Михаило-Архангельском монастыре (дело о канонизации преп. Евфимия).
11. Единственной принадлежностью и украшением ее были многочисленные иконы и книги. После кончины преп. Феодосия поступило в монастырь до 30 икон, из которых большая часть в серебропозлащенных окладах, крест серебряный четвероконечный резной, панагия серебряная с финифтью, 17 частиц мощей святых и около 70 книг (в том числе 12 рукописных). В обители до сих пор сохраняется несколько икон, на оборотной стороне которых написано: «сей святой иконе молился игумен Феодосий».
12. В житии говорится, что он был великий любитель их: «очистив многие места, он сделал из них поля и сенокосные луга» — Житие, лист 253.
13. В Памятной книге монастыря оно описано на 160 л. на обороте. В житии сказано об этом без хронологической даты.
14. На стене у гробницы на каменной плите вырезана — «повесть о преподобном игумене Феодосии», та самая, которая в рукописном сборнике поставлена после подробного его жития и озаглавлена: «повесть о преподобном игумене Феодосии, вкратце собранная».
15. Год не обозначен, в рукописи в этом месте пробел.
16. Так в оригинале, хотя день памяти — 29 октября.

17. Достоинно примечания, что в иконописном подлиннике Антониево-Сийского монастыря XVII века, принадлежащем ныне Императорскому обществу любителей древней письменности, в ряду других святых, находится (на листе 300-м) и лик преподобного Феодосия, Сийского игумена, где он изображен старцем в монашеской мантии и епитрахили, со свитком в одной руке. А в дополнении к рукописному житию его помещены тропарь и кондак Преподобному, которые читаются так: тропарь, глас 8-й. Подвигом добрым подвизався от юности твоея, преподобне Феодосие, мирскую суету отвергл еси, девство и целомудрие возлюбил еси, царствия ради небеснаго, вина и упоющего пития до кончины не вкусивый, Единаго Бога взыскуя, пустыню пречуднаго отца Антония достигл еси и в ней во смиренномудрии и слезах все житие препроводил еси, онаго житию подобяся и во всем быв образ добродетелей твоим учеником. И ныне в горния обители преселився Святей Троице предстоиши, поминай нас чад твоих, Пресвятей Троице моляся от всяких бед и скорбей избавити и спасти души наша. Кондак, глас 8-й: От юности твоея, преподобне, Господеви возложив, вся плотская мудрования воздержанием увядил еси. В постех и молитвах образ быв твоим учеником, добродетели богомудраго Антония наследовав и того обители измлада достигл еси и в ней трудолюбну твою жизнь препроводил еси, в терпении мнозе. И ныне со всеми святыми Святей Троице предстоиши, поминай нас чтущих всечестную память твою, да вси велегласно вопием ти: радуйся, досточудне Феодосие, наставниче духовный. (В рукописи л. 260 и на обороте).

3. Преподобные пустынножители Исаия и Никанор Ручьевские

1. В древних святцах между святыми Корельской обители св[ятителя] Николая записаны: «Преподоб[ный] Стефан подвижник и преподобные Исаия и Никанор новые чудотворцы» (см. «Христианство в пределах Архангельской епархии», стр. 52). Если это не случайное совпадение имен с именами Ручьевских чудотворцев, то не потому ли Корельский монастырь считал их своими святыми, что подвижническая жизнь их связана поначалу и прохождению с этим монастырем?

2. Рукописный сборник Ант[ониево]-С[ийского] монастыря XVII в., с разнообразным содержанием, в 1/4 листа, переплетенный в кожу, без №.

3. Правда, первое мало вероятно, за отдаленностью кочевьев самоедов от монастырской вотчины, хотя в ходатайстве игумена Феодосия и указывается на это, как на побуждение к перенесению мощей. Второе более вероятно, потому что раскол в этих глухих местах нашел себе немало последователей с самого появления его в Русской Церкви, что видно из нескольких грамот Холмогорского архиепископа Афанасия в Ант[ониево]-С[ийский] монастырь о появившихся раскольниках в Зимнезолотицкой вотчине монастыря.

4. Памят[ная] кн[ига], л. 160. Последние слова грамоты, свидетельствующие об осторожности, с которой дается разрешение, в то же время отчасти указывают и на бывшее почитание преподобных. Эта осторожность понятна из того, что Московским патриархом был тогда Иоаким (1673-1690), предпринявший пересмотр канонизации святых Русской Церкви и подвергший некоторых из них исключению из святцев (об этом см. в «Богослов[ском] Вестнике». — 1894, август) ряд статей проф. Е.Е. Голубинского «О канонизации святых Русской Церкви».

4. Инок Паисий, патриарший казначей и ктитор обители

1. Панихидный синодик за № 158.
2. Отзыв о [старце] Паисии в житии препод. Феодосия.
3. Это наименование, приписанное в Памятной книге о[тцу] Паисию, вероятно, усвоено ему на основании вкладных книг, где все пожертвования его записываются «на строение монастыря».
4. Памятная книга, л. 97 об. и [л.] 98.
5. Личных пожертвований о. Паисия за это время насчитывается одними деньгами до 2000 рублей, кроме ценных пожертвований из утвари церковной.
6. Из средств о. Паисия на этот колокол употреблено 606 руб (453 р[уб]) за медь в дополнение к монастырской и 153 руб за отливку колокола.
7. Стоило оно по тому времени 200 руб (Памят[ная] кн[ига], л. 98).
8. Любопытны дары, которые «пожаловал о. Паисий к постановлению во архимандрита отца Никодима в поднос к преосвященному архиепископу: кубок серебряный, чеканный, чешуйчатый, весь золочен весом 1 фунт 88 зол., камки лауданы вишневые — 14 аршин, отласу осиновым цветом — 10 аршин, тафты струйчатая — 6 аршин. И всего даяния на 37 рублей 26 алт. 4 деньги» (Книга вкладов, 1/4 листа, в коже, без №).

9. В этот же приезд в монастырь он пожертвовал ризы обьяри серебряной, серебряную стопу золоченую совне (весом 1 ф. 5 зол.), два ковра персидских, 12 книг миней месячных, 100 р[уб] денег на каменное строение и оставил в дар четыре сундука, заповедав распечатать их лишь по смерти его и притом в присутствии архиерея и настоятеля с братией (в нем найдены были вышеупомянутые книги: Евангелие-апракос, хронографы, псалтырь).

10. «Декабря 17 поминать патриаршаго казначея монаха Паисия и род его. Вечер панихида петь большая с кафизмою, литургию служат собором, после литургии панихида малая над гробом его» (Синодик панихидный, 1729 г.).

Приложения

СОБОР СИЙСКИХ СВЯТЫХ

15 июля 2008 года Преосвященнейший епископ Архангельский и Холмогорский Тихон благословил для почитания Собор Сийских святых. В настоящее время в Собор входят девять угодников Божиих:

Прп. Антоний, игумен Сийский (1478-1556).

Прп. Пахомий, игумен Кенский († ок. 1515).

Прп. Александр Сийский (XVI).

Прп. Иоаким Сийский (XVI).

Прп. Исаия (он же Илия) Сийский (XVI).

Прп. Феодосий, игумен Сийский (1612-1687).

Прп. Исаия Сийский, Ручьевский (XVII).

Прп. Никанор Сийский, Ручьевский (XVII).

Прмч. Вениамин (Кононов), архимандрит Сийский, Соловецкий (1868-1928).

ПОДВИЖНИКИ БЛАГОЧЕСТИЯ АНТОНИЕВО-СИЙСКОГО МОНАСТЫРЯ

1. Инок Паисий, казначей Сийский, затем патриарший, ученик прп. Феодосия, ктитор и покровитель обители.
2. Никодим, первый архимандрит Сийский, ученик прп. Феодосия.
3. Василий Босой, блаженный, Новгородский юродивый, почивший в Сийской обители.
4. Вениамин (Смирнов), архимандрит Сийский, просветитель ненцев.
5. Елисей, инок Сийский, один из шести первых учеников прп. Антония.
6. Александр (второй), инок Сийский, один из шести первых учеников прп. Антония.
7. Иона, инок Сийский, один из шести первых учеников прп. Антония.
8. Тит, иеромонах Сийский, любимый ученик прп. Антония.
9. Александр (Бердов), митрополит Новгородский, ученик прп. Антония.
10. Питирим, игумен Сийский, инициатор канонизации прп. Антония.
11. Иона, игумен Сийский, наставник иноков Филарета (будущего Патриарха) и Феодосия (будущего игумена Сийского).
12. Филарет, Патриарх Московский, постриженник и архимандрит Сийского монастыря.
13. Иларион (Смирнов), митрополит Псковский, ученик прп. Феодосия, постриженник Сийский.
14. Гурий (Лаптев), архимандрит Сийский, последний настоятель монастыря перед его закрытием в 1920 г.

Ì Î ËËÒÀÀ ÑÈÉÑÊÈÌ ÑÂВÒÛÌ *

Овсехвальнии преподобнии и богоноснии отцы наши
Антоние, Феодосие / и вси постницы, исповедницы,
преподобномученицы во обители Сийския
подвизавшиися, / и сию многими светозарными
ангелоравнаго вашего жития звездами украсившии, /
мимотекущее житие сие яко сон вменили есте. /
Воздержанием, прилежными молитвами, пощением,
бдением и чистотою сосуди пречистии Святаго Духа
явились есте: / и святых чудес дар неизреченный от
Бога прияли есте. / К вам прибегаем, / вам молимся и
мили ся деем: / не забудьте нас, / ко святым мощем
вашим притекающих, / будьте молитвенницы об
обители нашей. / Мы же яко смиреннии и немощнии
сущи, / ничтоже возможем творити без вашего
заступления, / просим предстательства вашего на
мори и на суше, / в бедах — утешения, / в несчастии —
покровительства, / во обидах — заступления и во
всех приключаящихся злых — радости и упования, /
темже не яко раби неключими, но яко сынове ваши
пребудем и молитвами вашими сподобимся зрети
Свет неприступныя Славы Божия во Царствии
Невечернем в нескончаемые веки. Аминь.

* Составлена на основе молитвы Новгородским святым, в состав которых еще с древних времен входят пять сийских святых: прпш. Антоний, Александр, Иоаким, Исаия, а также прп. Пахомий Кенский.

КАЛЕНДАРЬ

основных дней памяти *
Сийских святых
на 2010 г.

ЯНВАРЬ

23 января — прп. Пахомий, игумен Кенский († ок. 1515) (перех.).

ФЕВРАЛЬ

7 февраля — Собор новомучеников и исповедников Российских (перех.): поминается прмч. Вениамин (Кононов).

АПРЕЛЬ

17 апреля — прмч. Вениамин (Кононов), архимандрит Сийский, Соловецкий († 1928 г.).

МАЙ

16 мая — блаженный Василий Босой Новгородский, Христа ради юродивый († 1652 г.).

ИЮНЬ

3 июня — Собор Карельских святых: поминается прп. Пахомий Кенский.

6 июня — Собор Всех святых, в земле Российской просиявших (перех.). Поминаются прпп. Пахомий, Антоний Сийский и его ученики: прпп. Александр, Иоаким и Исаия (Илия), а также прпп. Феодосий Сийский, Исаия и Никанор Ручьевские.

* Все даты указаны по новому стилю.

13 июня — Собор Новгородских святых (перех.). Поминаются прпп. Пахомий, Антоний и его ученики: прпп. Александр, Иоаким и Исаия (он же Илия).

13 июня — Собор Сийских святых (перех.).

День празднования установлен на основе исторической традиции отмечать память Сийских святых в день святых Новгородских, так как Сийский монастырь более 160 лет (1520-1682 гг.) был в составе Новгородской епархии.

ИЮЛЬ

31 июля — архимандрит Сийский Никодим (†1721 г.).

АВГУСТ

23 августа — Собор Соловецких святых: поминается прмч. Вениамин (Кононов).

СЕНТЯБРЬ

13 сентября — архимандрит Сийский Вениамин (Смирнов) († 1848 г.).

23 сентября — перенесение мощей прпп. Исаии и Никанора Ручьевских в Сийскую обитель (1678 г.).

НОЯБРЬ

11 ноября — прп. Феодосий, игумен Сийский (†1687 г.).

ДЕКАБРЬ

20 декабря — прп. Антоний, игумен Сийский († 1556 г.).

В этот день поминаются и его ученики — прпп. Александр, Иоаким и Исаия (Илия) (XVI в.).

30 декабря — инок Паисий, казначей Сийский, впоследствии патриарший казначей († 1695 г.).

ПЛАН

ИЗДАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЦАК на 2010-2012 гг.

1. «Собор Сийских святых» (сборник).
2. Протоиерей Аркадий Кириллов. «Святые и подвижники благочестия Сийской обители» (сборник статей).
3. Епископ Никодим (Кононов). «Святые и подвижники благочестия Антониево-Сийского монастыря».
4. «Краткие истории и повести о сийских святых» (сборник, составленный на основе монастырских рукописей XVII века).
5. «Синодик Сийских монахов. XVI-XVIII века».
6. «Преподобный Феодосий Сийский — великий подвижник Русского Севера» (сборник докладов и статей).
7. «Преподобный Антоний и его ученики».
8. «Роль и значение Антониево-Сийского монастыря в становлении и развитии Архангельской духовной семинарии» (брошюра).
9. «Первый сийский новомученик» (об архимандрите Вениамине (Кононове)).
10. «Сийские чудотворцы — прпп. Исаия и Никанор Ручьевские».
11. Епископ Макарий (Миролюбов). «Исторические сведения об Антониево-Сийском монастыре» (репринтное издание).
12. «Житие прп. Антония Сийского» (переложение на русский язык сийской рукописи XVI в.).